ТАЛЦЫ

Тальцы•1(24)•2005

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

• АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •

• ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОЛОГИЯ
М.И. Мильчик, Е.В. Шевелёва. Расписные дома Русского Севера: Поонежье 3
М.Ф. Попова. Бытовая культура казачества Верхнего Дона конца XIX – начала XX века 21
Л.С. Дмитриева, А.Л. Ященко. Семейские туеса 30
Ю.П. Бараков. Русская баня 35
ВОСПОМИНАНИЯ
В.Е. Нефедьев. Кузнецы 45
У НАС В ГОСТЯХ
Л.П. Разогреева. Государственному музею-заповеднику М.А. Шолохова — 20 лет 53
МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ
И.В. Киселёва. Ясачное зимовье — новый экспозиционный объект музея-заповедника «Томская Писаница» 63
МУЗЕЙНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
В.В. Тихонов. Перспективы работы этнографических музеев под открытым небом в России зимой 69
ДНИ ПАМЯТИ 74
КОНФЕРЕНЦИИ 75
НОВЫЕ КНИГИ 76
ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ
В.В. Гинкулов (Шелехов). В кедраче 77
А.Г. Никифоров. Стихи 82
НА ДОСУГЕ
Шутки, присказки верхнедонских казаков 86
НАША РЕКЛАМА
Закажите культурологический журнал! 88

Учредитель и издатель: Архитектурно-этнографический музей «Тальцы»

ЛР 040958 от 01.04.99. АЭМ «Тальцы»

Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952) 33-47-05

Редакционная коллегия: канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин (отв. секретарь), А.К. Нефедьева, канд. культурологии В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редактор-составитель номера: Ю.П. Лыхин

Редактор: Г.Д. Лопатовская
Компьютерный набор: О.А. Стафеева
Оригинал-макет: С.Г. Червякова
Подготовка к печати: Изд-во «Макаров»

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г., выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Адрес редакции: Россия, 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952) 33-47-05, факс (8-3952) 20-10-92, e-mail: talci@irk.ru

На обложке:

С. 1 — *В кузнице музея «Тальцы». Фото И. Бержинского, 2005 г.*

С. 2 — *Роспись подшивки свеса кровли (деревня Ломакино Каргопольского района Архангельской области). 1910 г. Фото М. Мильчика, 2003 г.*

С. 3 — *Дом-музей М.А. Шолохова в хуторе Кружилинском.*
— *Казачья пляска.*

С. 4 — *Дом-музей М.А. Шолохова в станице Каргинской.*

Подписано в печать 4.06.05. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,5. Уч.-изд. л. 4,89. Тираж 1000 экз. Заказ № 5095. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1», г. Иркутск, ул. Лапина, 1, оф. 101, тел. 230-144, 99-26-27, 999-003

© АЭМ «Тальцы», 2005

РАСПИСНЫЕ ДОМА РУССКОГО СЕВЕРА: ПООНЕЖЬЕ

Михаил Исаевич Мильчик, кандидат искусствоведения, заместитель директора Санкт-Петербургского НИИ «Спецпроектреставрация», член Федерального Совета по сохранению культурного наследия Министерства культуры РФ

Елизавета Владимировна Шевелёва, искусствовед, народный мастер России, старший преподаватель кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств

Как уже отмечалось в нашей первой статье (см.: Тальцы. — 2004. — № 3 /22/), традиция домовой росписи во многом еще остается непрочитанной страницей культуры Русского Севера. Между тем росписи жилых построек иных регионов России — Сибири, Алтая, Урала и Прикамья, Средней Волги (бывших Костромской и Вятской губерний), в той или иной степени исследованы. Надо еще раз напомнить и о сложности выявления такого рода памятников, разбросанных на огромных, часто труднодоступных территориях Севера. Поэтому неудивительно, что по сравнению с тщательно изученными школами прялочной росписи региональные стилевые особенности домовой еще не были предметом специального изучения, если не считать Поважья. Так или иначе, но пока существует всего несколько статей на интересующую нас тему. Среди

них особое значение имеет небольшая работа Н.В. Тарановской, в которой сформулированы задачи для будущих исследований: «требуется специальное изучение местных художественных особенностей росписи по отдельным районам, состава их орнаментации, связей с росписями на бытовых предметах, выявление мастеров и т. д., то есть всех тех моментов, которые бы позволили нам показать живую картину существования искусства, не менее значительного, чем домовая резьба» (12, с. 75).

Домовые росписи — явление общенациональное в народном искусстве России. Основываясь на изучении своеобразия росписей, на территории нынешней Архангельской области можно выделить следующие относительно обособленные районы, условно называемые школами: северодвинский, пинежско-мезенский, каргопольско-поонежский и важский.

В прошлый раз было рассказано о последней школе. Теперь же мы остановимся на каргопольско-поонежской, которая пока остается белым пятном на карте Русского Севера. Предыдущие экспедиции в интересующем нас ареале отмечали наличие домовой росписи лишь по реке Онега и в бассейне Кены, ее притока. Именно этим обстоятельством был продиктован выбор маршрута нашей экспедиции, которая состоялась летом 2003 и 2004 годов. Ее главная цель — выявление, фиксация памятников монументальной живописи в бассейне Онеги и, как следствие, решение вопроса о правомерности выделения этого ареала домовой росписи со своими, присущими только ему чертами.

Изучение домовой росписи еще во второй половине 1970-х годов начал директор Каргопольского, тогда еще краеведческого, музея В.Д. Шевелёв, которому удалось найти более десятка расписных домов в селениях по Онеге и Кене.

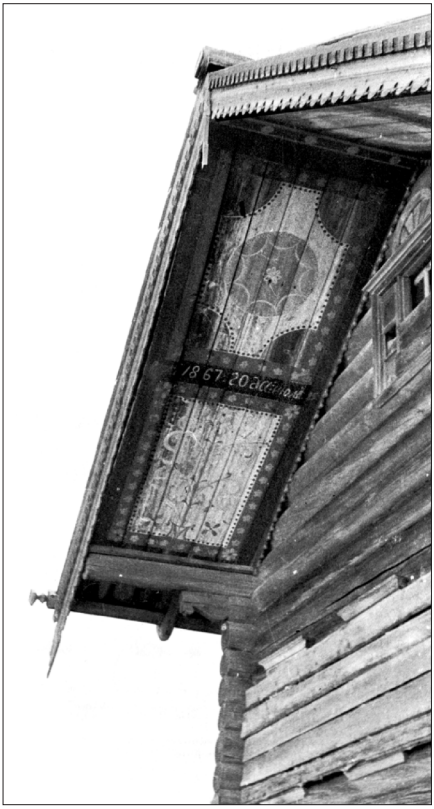
Наша экспедиция обследовала 31 деревню в трех районах — Каргопольском, Плесецком и Няндомском, и выявила 63 дома, в той или иной мере сохранивших экстерьерную, а в редких случаях и интерьерную росписи. Это количество превзошло самые оптимистические ожидания.

В результате открылась, с одной стороны, цельная, а с другой — фрагментарная картина: сегодня получить достаточно полное представление о развитии домовой росписи ни по одному региону уже невозможно. Многие важные памятники давно исчезли, никем не зафиксированные, а для существующих часто не удается выяснить время их создания, имена и происхождение мастеров. И тем не менее даже эта заведомо

неполная картина позволяет сделать некоторые важные, хотя и предварительные выводы.

* * *

В Каргопольский уезд в XVI веке входило все Поонежье, то есть огромная территория вдоль реки Онега вплоть до Белого моря. В XIX – начале XX века она числилась в составе Олонецкой губернии, но культурно и экономически более тяготела не к Онежскому озеру, а к Онеге и Белому морю. Такая ориентированность лишь усилилась после открытия в 1898 году Северной железной дороги, соединившей Москву и Архангельск. До этого основным в Каргополье был Петербургско-Архангельский почтовый тракт, шедший вдоль Онеги, которая для судоходства из-за многочисленных порогов могла быть использована лишь весной, при высокой воде. Другая связь Каргополя с Поморьем осуществлялась через Кенозеро и Ошевенскую волость.



Деревня Пачеполда Плесецкого района. Дом 1867 г. Роспись подшивки свеса кровли. Фото 1960-х гг.

Главными занятиями крестьян края были земледелие, рубка и сплав леса. Из промыслов следует отметить смоло- и дегтекурение, кожевенное производство, ткачество и другие женские рукоделия, гончарное производство, красильное и набивное дело. По данным статистической комиссии 1902 года, в уезде зарегистрировано всего 11 маляров в восьми из 23 волостей (в то время как бондарей на-

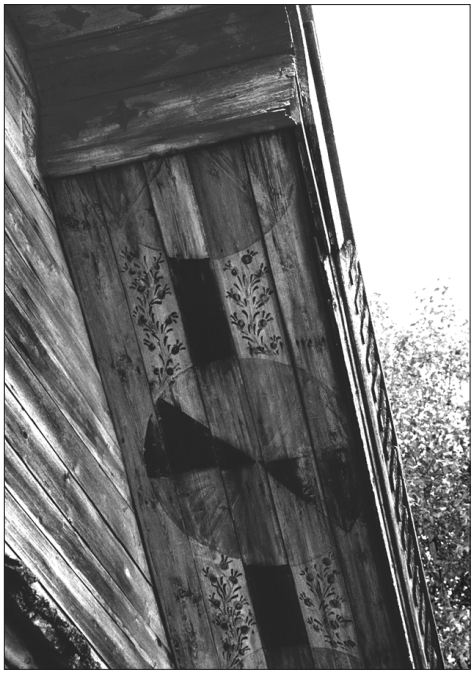
считывалось 151, корзинщиков — 108, а плотников — 496) (7, с. 8–11, 14).

Основным местом сбыта продукции служила дальняя Благовещенская и Крещенская (Богоявленская) ярмарки в Шуньгском погосте Заонежья, куда съезжалось до трех тысяч человек. Вторым местом торга была ближняя Никольская ярмарка, проходившая в начале декабря на территории Ошевенского погоста. Здесь же находились лавки, склады и каменный дом крупного местного купца В.А. Дружинина, имевшего также меховую мастерскую в Нижнем Новгороде. Напротив дома Дружинина еще стоит двухэтажный деревянный дом, принадлежавший его родственнику промышленнику А.А. Ушакову, который владел лесными разработками в округе и снабжал строительными материалами железную дорогу от Вологды до Архангельска. Третьим центром являлся Шелеховский погост (с. Архангело, в 1950 г. насчитывало 107 дворов), расположенный в 60 километрах от Каргополя на пересечении Архангельского тракта с Онегой, четвертым — Конёво, вытянувшееся вдоль Онеги на четыре километра, и, наконец, пятым — Заднедубровский погост, особенно быстро развивавшийся на рубеже XIX–XX веков, так как находился

Деревня Враниковская Плесецкого района. Дом Загоскиных. 1886 г. Роспись фронтона 1897 г. Мастер С.Я. Ванюков (старший). Фото 2002 г.

на сухопутной дороге, кратчайшим образом связывавшей Кенозеро и Поонежье с только что построенной железной дорогой.

Постройки обследованных селений бывшего Каргопольского уезда в своем большинстве относятся к типу северо-великорусского дома-усадьбы, или большого северного дома, у которого хозяйственный двор вместе с жилой частью составляют комплекс, соединяясь брусом — по продольной оси или же глаголем — с выступающим двором. В отличие от Поважья здесь главный тип жилья — четырехстенок на высоком подклете, или дом в два жилья, то есть двухэтажный (двужирный). Балконы встречались редко. Их в какой-то мере заменяли галереи («галдареи»), располагавшиеся на продольном фасаде над крыльцом, с которым они составляли единое целое. Вплоть до середины прошлого столетия на Каргополье нередко встречались курные — «рудные» избы, топившиеся по-черному. Они обычно строились в комплексе с белыми избами и летними (холодными) горницами.



Деревня Култа Каргопольского района. Дом А.А. Мальцева. Начало XX в. Роспись подшивки свеса кровли. Фото 2002 г.

Однако, как и в Поважье, все известные нам расписные дома топились по-белому. Почти у всех них «перед» представлял собой четырехстенок. На лицевой фасад выходило окно вышки (светелки) — летней комнаты на чердаке. Экстерьерная роспись размещалась на плоскости фронтона, если он был обшит, и непременно на подшивке выноса кровли, реже — на наличниках и ставнях.

Еще в XVIII веке повсеместное распространение получил

Деревня Культа Каргопольского района. Дом Л.А. Сидоровой. 1910 г. Роспись подшивки свеса кровли. Мастер Н.С. Ванюков (младший). Фото 2002 г.

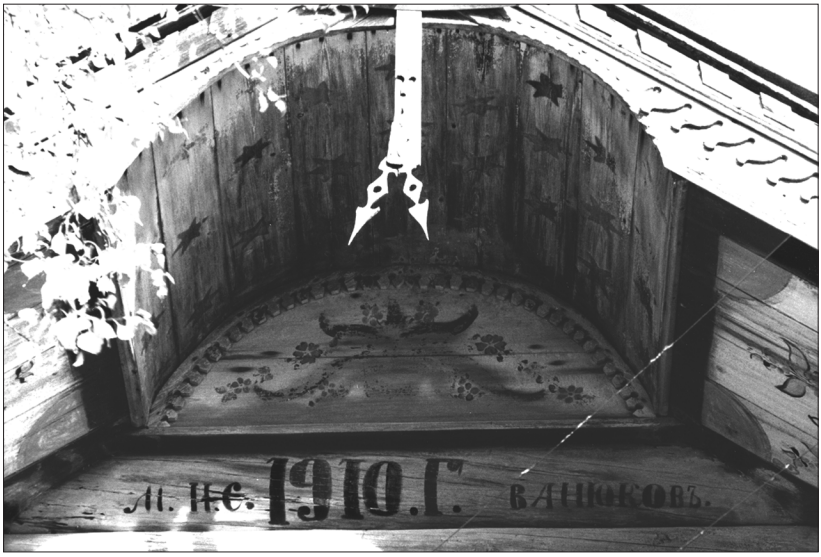
тип большого северного дома, в котором двор был соединен с избой, имел поветь и под ней хлевы, как это описывается в Атласе Архангельской губернии 1797 года: «...почти во всех уездах покрывают дворы сплошь и делают снутри помост наравне с полом высоких... изб, разделяя двор в два жила, из коих в нижнем помещается скот, а в верхнем, куда находится наружной с улицы въезд, сохраняют солому, сено, повоски... и всякую крестьянскую збрую» (Российский государственный исторический архив, ф. 1350, оп. 312, д. 1, л. 14). К концу столетия число двух- и трехкамерных жилищ (с холодной клетью) стало почти равным, а по всей Архангельской губернии они составили основную массу (63,5 %). Почти все избы были курными. Внутри них не было перегородок. Курные избы, куда зимой нередко впускали скот, темные, наполовину покрытые сажей, не имели и не могли иметь росписей. Предпосылкой их возникновения в крестьянской среде было, несомненно, появление светлых помещений, что связано с распространением белых изб и заменой волоковых окон на колодные или косящатые, а также с выделением «чистых» горниц и внутренним членением самой избы.

В Каргополье в отличие от Поважья горница, располагавшаяся в передке рядом с избой, не получила широкого распространения. Функцию парадного помещения отчасти

выполняло летнее жилье-горенка — помещение у продольной стены, за сенями или же находившееся на втором этаже.

Основа структуры жилья не изменилась, но появилось много нововведений частного характера, существенно преобразивших интерьер. Печь все чаще стали класть из кирпича, к тому же она получила кирпичную трубу, что способствовало выявлению ее горизонтальных членений — карниза, шестка, ритмично расположенных печур, развитого деревянного каркаса — опечка. Цельная печная доска теперь заменяется более дробным членением филенками, которые иногда прикрывают печной столб и «переходят» на переднюю сторону, закрывая подпечье.

Состоятельные хозяева все чаще стали обшивать свои дома. Появились гладкие поверхности фронтонов, подшивки свесов (выносов) кровель, на которых стало удобно размещать живописные композиции. Почти обязательная арка (нередко тройная) в венчающей части фронтона возникла под влиянием ампирной архитектуры города, наверное, не ранее середины XIX века. Здесь сосредоточивалась основная резьба, главным образом накладная и пропильная. Среди



Деревня Культа Каргопольского района. Дом Л.А. Сидоровой. 1910 г. Роспись арки, завершающей фронтон. Мастер Н.С. Ванюков (младший). Фото 2002 г.

рельефного декора теперь можно было увидеть сухарики, ромбы, шашечки. Окон по лицевому фасаду дома — четыре, редко — три или пять. Декоративный пояс на уровне самого домового сруба образовывали резные наличники и распашные ставни-«обоконки», которые стали служить украшением, ибо не предназначались для закрывания, а филенки их раскрашивались или же покрывались росписью. Однако главное проявление нового вкуса в убранстве фасада — расписные подшивки свесов (выносов) кровли, о чем речь пойдет дальше.

Дальнейшим развитием фасадного декора стало появление резных карнизов, фиксирующих границу собственно сруба и фронтона. Это способствовало появлению построек с акцентированными фасадами. Неудивительно, что так называемый крестьянский ампир и пропильная резьба наибольшее распространение получили вдоль двух самых оживленных трактов — Архангельского и Пуйско-Каргопольского — основных путей проникновения городских влияний. Следующим шагом в этом направлении стала покраска резьбы, а затем и роспись подшивки свесов кровли.

Село Конёво Плесецкого района. Дом Н.А. Гринёва–И.С. Ундозерова, перевезенный из Чаженьги. Роспись 1894 г. Мастер М. Стариков. Херувим. Фото 2003 г.

Село Конёво Плесецкого района. Дом Н.А. Гринёва–И.С. Ундозерова. Роспись 1894 г. Мастер М. Стариков. Лев. Фото 2003 г.

* * *

Как уже было сказано, время возникновения росписи крестьянского дома большинство исследователей связывают с распространением белых изб и косящатых остекленных окон, относят его к середине прошлого века, что соответствует датам постройки наиболее ранних из зафиксированных раскрашенных простейшим образом домов: на Урале и Северной Двине это 1853 год (полное совпадение дат, конечно, момент случайный), в Поважье — приблизительно середина XIX века (дом в Долматово) и 1856 год (точно датированный дом в Усть-Паденьге).

В каргопольско-поонежском регионе — это дома Емельяновой 1867 года в деревне Пачеполда (Плесецкий район) и дом А.В. Дмитриева — Н.И. Старицына на Кенозере в деревне Першлахта, первоначально срубленный в 1860 году (перевезен в данную деревню в 1885 г.). Самый же поздний — дом Макаровых в деревне Бабинская — был расписан в 1929 году, буквально накануне года «великого перелома». Кстати, последний вообще самый поздний из всех выявленных расписных домов

Деревня Малое Самково Плесецкого района. Дом М.М. Буянова–В.С. Назарова. Роспись 1912 г. Мастер Н.С. Ванюков (младший). Верхняя часть фронтона и трехлопастная арка. Фото 2003 г.

Архангельской области и знаменует собой конец, а точнее, насильственный обрыв этой традиции.

Из 63 выявленных нами расписных домов 31 имеют даты постройки и/или росписи, отмеченные краской или вырезанные на кронштейнах, а также владельческие надписи. Чаще всего они встречаются на домах четырех деревень Задней Дубровы (из девяти сохранившихся в этом кусте расписных домов на восьми можно прочесть имена владельцев).

По хронологии расписные дома распределяются следующим образом: 1860–1899 годы — шесть домов; 1900–1910 годы — 14; 1911–1916 годы — восемь; 1928–1929 годы — три дома. При всей относительности приведенных данных можно утверждать, что расцвет домовой росписи в Поонежье пришелся на начало прошлого века, то есть на время, когда в Поважье эта традиция шла на спад.

Каким образом в крестьянских домах середины XIX века произошло возрождение традиций росписей, корни которых уходят в глубокую древность? Откуда мастера черпали мотивы? Ответы на эти вопросы пока могут быть даны лишь в общей и приблизительный форме.

Источниками для домовых росписей служили резьба и роспись бытовых предметов и мебели, традиция которых оставалась непрерывной, а опосредованными — миниатюры и заставки рукописей XVII–XVIII веков, иконы «северных писем»; отдельные приемы и образы заимствовались из арсенала упомянутых в первой статье «комнатных живописцев», которые, в свою очередь, «пересказывали» композиции классицизма. Не забудем ярмарочные товары и в частности лубки; наконец, росписи деревянных церквей: на дверях, свечных ларях, клиросах, «тощих свечах» часто изображались «травы», вазоны с пышными цветочными кустами, на тяблах иконостасов — мотивы вьющейся виноградной лозы.

В отличие от сибирских в северных росписях почти полное отсутствие сюжетно-повествовательных композиций возмещалось разнообразием травного и цветочного орнамента, изображениями животных и птиц, попытками изобразить архитектурные элементы классицизма. Пышность кустов и садов, их многоцветье на фоне глухих бревенчатых стен, пасмурного неба или белоснежной зимы явились неосознанным стремлением преодолеть колористическую сдержанность окружающего пейзажа, напоминанием о щедрости цветущей природы. И.Я. Билибин после путешествия по Северу в 1903 году отмечал: «...любовь к узору чувствуется и по сие время. Я видел избы, где узорами, хотя и позднейшими, было размалевано буквально все: шкафчики, двери, полки, лежанка, — все, где только можно было красить» (2, с. 617).

Итак, деление изб на летние и зимние, членение их внутреннего пространства, повсеместная замена курных изб белыми, улучшение освещенности интерьера с помощью красных окон, вытеснивших волоковые, усиление городских влияний, выразившихся в появлении «чистых половин» наподобие «зал», применение филенчатых опечков, дверей и мебели — это главное, что обусловило быстрое распространение в последней четверти XIX века домовой росписи на всем Русском Севере.

* * *

Теперь остановимся на иконографических типах наружных росписей Обонежья, ограничиваясь декорацией подшивки свесов кровли, сводов арок и плоскости фронтонов.

Среди росписей на подшивке свесов можно выделить пять основных групп.

Разноцветные полосы (чаще белые, розовые, зеленые, синие или голубые), гладкокрашеные или иногда с орнаментом в виде небольших розеток или побегов. Этот тип декора встречается на фасадах домов в кусте селений Волосово и Конёво на Онеге, в деревнях Враниковская, Корякино по реке Кена в селе Грехнёва Горка (Село) на реке Лимь.

Звезды на синем фоне, изображающем небо, располагаются преимущественно на сводах арок и лишь в двух случаях — в деревне Майлахта (Кенозеро) и в деревне Зимницы (Савинская) на реке Чучекса — на всей подшивке свесов.

Деревня Малый Халуй (Ошевенск) Каргопольского района. Дом И. Черепанова–В.И. Кириллова. Роспись начала XX в. Мастер Г.И. Третьяков (?) Подшивка свеса кровли с тремя рисованными филенками. Фото 2004 г.

Крупные розетки с разноцветными сегментами, остальное поле свеса заполнено цветными вертикальными полосами, окрашенными по доскам. Внутри последних — орнамент в виде гирлянд из мелких цветов и листьев. Такие дома встречаются в селениях Климовская (Архангело), Култа (перевезен из Харёво на Онеге), Першлахта, Филипповская.

Живописные филенки, в прямоугольном, реже фигурном поле которых расположен цветочный куст в вазоне или без него. Количество филенок в зависимости от длины свесов, формы и размеров арки колеблется между тремя (в 16 случаях), двумя (в 11) и одной (в двух случаях).

Фигуры львов, чаще на подшивках сводов трехлопастных арок (например дом М.М. Буянова в Малом Самкове или дом П.А. Перепелкина в д. Лисицыно /Задняя Дуброва/), в четырех случаях на самих свесах: два дома в Культе, два — в Большом Самкове.

В свою очередь, среди цветочных композиций на филенках, помимо сугубо индивидуальных решений, можно проследить три основные манеры.

Во-первых, это куст с длинными зелеными или черными листьями, на которых небольшие полихромные цветы розового, голубого и охристого цвета, с лепестками овальной формы или в виде «сердечка», а также со стилизованными тюльпанами или колокольчиками. Вазон здесь трактован объемно, со светотеневой моделировкой. «Эталонная» роспись этого типа — на доме Л.А. Сидоровой в Культе, подписанная мастером Ванюковым, а также на доме Н.И. Шулепова в деревне Ломакино на реке Волошка, по-видимому, кисти того же мастера. В другом варианте этой же манеры добавляются листья голубого цвета, а длинные зеленые листья имеют тонкий графический контур. Часто филенки в этой росписи обводятся изящными линейными виньетками голубого цвета.

Во-вторых, это куст с тонко проработанными небольшими шестилепестковыми цветами и колокольчиками, извивающимися стеблями черного цвета, а вазон имеет две ручки и ножку, причем решен он либо плоскостно, либо в виде горшка с заполнением, похожим на сетку (росписи на домах по Онеге в селах Архангело и Конёво или перевезенных туда из других деревень по Онеге).

В-третьих, в деревнях Задней Дубровы отмечен примитивный вариант росписи в виде куста из крупных листьев, растущих на длинных стеблях, с условно трактованными цветами, составленными из круга — «сердцевины» и точек — «лепестков».

Среди основных типов росписей на фронтонах, в свою очередь, выделяются три группы: полосы по бревнам или доскам фронтона (горизонтальные или же «в елочку»); цветы в вазоне, чаще под аркой, над окном, иногда по сторонам от окна (д. Першлахта и с. Конёво); львы по сторонам от окна, а над ним — цветы или надпись (дома Загоскиных во Враниковской, А.А. Ушакова в Ширяихе, Н.И. Шулепова в Ломакино и дом Р.П. Епифановой в Грехнёвой Горке /последний в Няндомском районе/).

Львы в каргопольских домовых росписях близки к орнамен-

тальным формам барсов в местной вышивке: львы стоят на задних лапах, морда изображается в профиль или анфас, в некоторых случаях у зверя пишут длинный «процветающий» хвост с кистью, подчеркиваются широко открытые глаза, когти. В двух случаях львов обрамляет дугой цветущая ветвь: на заборке дома А.В. Дмитриева — Н.И. Старицына в Першлахте, построенного в Майлахте в 1860 году, а в Першлахту перевезенного в 1885 году, и на свесах дома Н.А. Гринёва в с. Конёво, роспись которого датирована 1894 годом. Она точно датирована и имеет кроме владельческой надписи подпись мастера; очень выразительны и сами фигуры сказочных очеловеченных львов, изображенных на боковых сводах трехчастной арки на коричневом фоне, а над ними в голубом звездном «небе» парят толстощекие херувимы с носами «картошкой» и рыжими волосами. Это единственный известный нам случай изображения херувимов в домовых росписях Поонежья.

О мастерах предварительно можно сказать следующее. Два дома — в деревнях Враниковская и Култа — имеют на фасаде подпись Ванюкова. На фронтоне дома во Враниковской надпись краской слева от окна: «189[7]», справа от окна: «СДБ ЗАГОСКИН». Ниже: «М.[С.]Я. ВАНЮКОВЪ» («сей дом братьев Загоскиных мастер С.Я. Ванюков»). На фасаде уже упомянутого дома Сидоровой в Култе — «М.Н.С. 1910. Г. ВАНЮКОВЪ».

Скорее всего, мы имеем дело с двумя мастерами, а если судить по инициалам, то с отцом и сыном.

Подписной дом во Враниковской — эталон росписи Ванюкова-старшего. На его голубом фасаде охрой с контурной обводкой черным цветом написаны два льва с длинным туловищем, тонкой талией и внушительных размеров гривой, стоящие на задних лапах, львы прикованы цепями к окну. Морды их с маленькими округлыми ушами характерной формы обращены к львенку, изображенному над окном. Он, в свою очередь, видимо, смотрел прямо на зрителя (роспись находится на южной стороне, поэтому сильно выгорела, и детали уже, к сожалению, не читаются). Колорит росписи построен на сочетаниях голубого, охры, розового, зеленого и черного. Свесы выкрашены полосами, на них нарисованы условные розетки из зеленых кругов с белильными и черными точками.

Схожую по манере и колориту роспись пока еще можно рассмотреть на фасаде «двужирного» дома Дружининых — Ушакова в ошевенской деревне Ширяиха. Там пара львов прикована к цветущему розовому кусту. Над окном имелась

подпись, но ныне можно разобрать только первые два слова: «СЕЙ ДОМЪ...»

Третья роспись, возможно, тоже принадлежащая кисти С.Я. Ванюкова, находится также на берегу Кены, в соседней со Враниковской деревне Большое Самково. На свесах дома, выкрашенных светло-зеленой краской (такой же, как и фронтон дома в Ширяихе), — два белых льва, над которыми синей и розовой краской нарисованы круги, разделенные на четыре сегмента.

Н.С. Ванюков, по всей видимости, был автором не только росписи на свесах упомянутого подписного дома в Культе, но и еще нескольких композиций. Особого внимания заслуживают замечательные росписи фронтонов и свесов двух домов — Н.И. Шулепова в деревне Ломакино, 1910 год, и В.С. Назарова в деревне Малое Самково (Шумилово), 1912 год.

Первый дом ориентирован лицевым фасадом на северную сторону, стоит на высоком берегу живописной реки Волошка, впадающей в Онегу. В ряду деревенских домов он выделяется обшивкой, по-видимому первоначальной, и росписью, в том числе и на наличниках, прекрасно сохранившейся благодаря северо-восточной ориентации.

Роспись на фронтоне выполнена по белому фону в отличие от цветных фонов Ванюкова-старшего: над окном написан цветочный куст с длинными листьями в объемном, моделированном светотенью вазоне, по сторонам от окна — подобные кусты, перед которыми крупные парные львы. На подшивке свесов по белому фону — две филенки с синей отводкой и темно-зелеными сегментами с розовой отводкой по углам. На филенках — такой же цветущий куст с длинными массивными листьями, как и на фронтоне.

Роспись дома Буянова, расположенного также на северной стороне, но на берегу Кены, не менее интересна. Здесь преобладает сдержанная холодная цветовая гамма, напоминающая стиль модерн: прозрачный изумрудно-зеленый, голубой, охры и розовый. Контуры и светотеневая моделировка выполняются черным цветом. Филенок на свесе также две, исчезают сегменты по углам, появляется голубая виньетка, перекликающаяся с листьями и цветами. Особую роль в этой композиции играют львы. Они размещены на подшивке арок, изображаются стоящими на задних лапах, в прыжке. Голова у них намного крупнее, нежели у зверей старшего Ванюкова, на ней заостренные собачьи уши, крупные, широко открытые человечьи глаза.

Объем моделирован живописной широкой линией, как и грива (С.Я. Ванюков использовал, напротив, графическую, жесткую линию). У правого льва, как и на филенке культинского дома, хвост поджат, направлен вниз и между лапами с тщательно прорисованными круглыми подушечками и острыми когтями, левый — распускает хвост со щеголеватой кисточкой над изогнутой спиной.

Еще один мастер, М. Стариков, красил в 1894 году фронтон и свесы уже упомянутого дома И.С. Ундозерова из Чаженьги, перевезенного нынешним хозяином Н.А. Гринёвым в Конёво в 1969 году: «СЪЙ ДОМЪ ІВАНА. СТЕПАНОВА. [УНДОЗЕРОВА.] 1894 ГОДА. АПРЕЛЬ 29 ДЪНЬ: МАСТЕРЪ [М?] СТАРИКОВЪ».

В Кенозере работал Федор Яковлевич Никифоров. Сохранилась сделанная им в 1916 году роспись свесов дома Нифантовых в Майлахте (на подшивке фронтона надпись: «1916 Г [...] ИЮНЯ К.М. [«красил мастер»] ФЕОДОРЪ ЯКО НИКИФОРОВЪ». По сведениям В.Д. Шевелёва, последний мастер исполнил и роспись заборки и шкафа в деревне Горбачиха на Кенозере, где на верхней части ныне не сохранившейся заборки была такая же надпись, только датированная 3 июня того же 1916 года.

В ошевенской деревне Халуй есть дом с росписью на свесах в виде кустов с симметричными ветвями, на которых красно-коричневые плоды — «яблоки» и четырехлепестковые охристые цветы. Стилизованные растения довольно тщательно детализированы, заключены в фигурные филенки синего цвета. Свесы имеют одноарочное завершение, подшивка свода арки выкрашена горизонтальными полосами синего и белого цвета. Хозяйка дома, 81-летняя А.А. Третьякова, рассказала, что дом расписывал ее свекор, Григорий Иванович Третьяков, который и строил дом в начале XX века. По ее словам, он также красил прялки и прочие бытовые предметы. Возможно, этот же мастер выполнил роспись свесов на доме Черепановых в Большом Халуе: в голубых фигурных филенках куст, построенный строго симметрично, с графической трактовкой тонких ветвей и разноцветных листьев.

В соседней с Халуем деревне Низ нами был зафиксирован дом Березиных с похожей расписной композицией: кусты с длинными светло-зелеными листьями в условных вазонах, заключенные в аналогичные фигурные филенки. Вполне вероятно, что автором этой росписи был также Г.И. Третьяков.

В некоторых случаях дома расписывали явно непрофес-

сиональные мастера. Тогда образ льва приобретал почти неузнаваемые черты. Так, в деревне Култа рядом с домом, расписанным мастером Ванюковым, можно увидеть дом с подражанием профессиональной росписи и тут же сравнить ее с прототипом. Львы на свесах дома Сидоровой–Супаковых написаны профессиональным мастером Н.С. Ванюковым. Аналогичные звери на доме А.А. Мальцева выполнены, возможно, самим хозяином, прадедом нынешнего владельца, П.Ф. Мальцевым. Под его кистью лев, скопированный автором в соответствии с его понятиями и умением с филенки соседнего дома, превращается в зеленого «лягушонка», обвитого хвостом.

Во втором случае, в деревне Большое Самково, пара грубовато написанных коричневых львов, размещенных друг напротив друга, на свесах дома Н. Ворониной, один из львов изображен в профиль, другой анфас, оба с цветущей ветвью. На свесах же соседнего дома В.С. Балдиной–Осиповых расположились схожие по иконографии, но совершенно иные по стилистике забавные белые львы: розовощекие, изящные, с кисточкой на тонком извивающемся хвосте.

Иногда по надписям, сделанным на самом доме, можно определить, когда дом был срублен и когда выполнена роспись: на кронштейнах вырезали дату постройки, иногда — инициалы мастера или владельца, а на фронтонах краской писали, когда расписан дом. Расхождения могли составлять несколько лет, как в случае с домом А.Ф. Измайлова в деревне Нижняя (куст Задняя Дуброва), на фронтоне которого имеется владельческая надпись с датой росписи: «ДОМЪ Д.[А?]. ИЗМАЙЛОВА 1915 Г. 5 ІЮНЪ». Время же постройки дома отмечено на кронштейнах: на левом с внутренней стороны вырезано «20 ІЮН», на правом, также с внутренней стороны, — «1911 ГО». Таким образом, дом был расписан спустя четыре года после окончания строительства.

Впрочем, разница могла быть и большей. На левом кронштейне упомянутого дома Загоскиных во Враниковской с внешней стороны вырезана надпись, говорящая о времени постройки: «СЕЙ. ДО. БР. ЗА. 1886 ГО. АП. 17 Д. П.М.Н.» («Сей дом братьев Загоскиных 1886 года апреля 17 дня. [Плотник?] М.Н.»). На фронтоне этого же дома написана краской дата: «189[7]».

Анализ живописного декора более полусотни домов Поонежья позволяет со всей уверенностью говорить о быстро сложившейся здесь своеобразной традиции монументальной росписи крестьянских домов, получившей широкое распростра-

нение в конце XIX – первой четверти XX века и прерванной в годы коллективизации. Выявленные нами особенности этой росписи и имена мастеров ставят перед исследователями вопрос об их связях с живописью на бытовых предметах.

Однако самыми неотложными задачами являются постановка выявленных памятников на государственную охрану и разработка программы их спасения и дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барадулин В.А. Народные росписи Урала и Приуралья: Крестьянский расписной дом. — Л., 1988.

2. Билибин И.Я. Остатки искусства в русской деревне // Журнал для всех. — 1904. — № 10.

3. Бобринский А.А. Народные русские деревянные изделия. — М., 1911.

4. Вишневская В.М. Свободные кистевые росписи // Русское народное искусство Севера. — Л., 1968.

5. Жегалова С.К. Русская народная живопись. — М., 1984.

6. Каргополье. Художественные сокровища / Сост. Г. Дурасов. — М., 1984.

7. Крестьянские промыслы Каргопольского уезда Олонецкой губернии. — Петрозаводск, 1902. — Вып. 1.

8. Круглова О.В. Северодвинские росписи // Русское народное искусство Севера. — Л., 1968.

9. Левинсон Н.Р., Маясова Н.А. Материальная культура Русского Севера в конце XIX – начале XX века (Каргопольская экспедиция 1950 года) // Труды Государственного Исторического музея. — М., 1953. — Вып. XXIII.

10. Рабинович М.Г. Русское жилище в XIII–XVII вв.: Древнее жилище народов Восточной Европы. — М., 1975.

11. Русское декоративное искусство. — М., 1962. — Т. 1.

12. Тарановская Н.В. Росписи домов русских крестьян в районе среднего течения Северной Двины // Этнография народов Восточной Европы. — Л., 1977.

13. Уханова И.Н. Книжная иллюстрация XVIII в. и памятники народного декоративно-прикладного искусства русского Севера (Северная Двина) // Русское искусство первой четверти XVIII века. — М., 1974.

14. Чижикова Л.Н. Архитектурные украшения русского крестьянского жилища // Русские: Историко-этнографический атлас. — М., 1970.

БЫТОВАЯ КУЛЬТУРА КАЗАЧЕСТВА ВЕРХНЕГО ДОНА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Марина Федоровна Попова,
заведующая отделом музейной педагогики Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова,
станица Вёшенская Ростовской области

Указом президента Российской Федерации Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова отнесен к объектам исторического и культурного наследия федерального значения. Он входит в число крупнейших музеев страны и известен как в России, так и далеко за ее пределами.

М.А. Шолохов всю свою жизнь был связан с донскими казаками, поэтому важным направлением комплектования фондов, научных разработок, экспозиционной и музейно-педагогической деятельности является исследование темы казачества, его культуры и быта, труда и воинской службы.

Большую роль в формировании системы знаний о бытовой культуре казаков играет изучение жилища. Оно отражает социально-экономическую историю казачества, специфику хозяйства и природных условий, особенности жизненного уклада. Как форма народного творчества жилище казаков включает множество компонентов: материал и способ постройки, планировку дома, назначение помещений, виды отопления, особенность интерьера.

Главными типами построек на Верхнем Дону в конце XIX – начале XX века были курени, флигеля, хаты.

Жилища казаков Верхнего Дона рассматриваемого периода имели свои особенности. Они не были похожими ни на русскую избу, ни на малороссийскую хату. Казаки и сейчас называют свои дома «куренями». Курень — слово монголо-татарского происхождения. Значение слова персидский историк конца XIV века Рашид ад Дин определяет как «кольцо». «В старинное время, когда какое-либо племя останавливалось в каком-нибудь месте наподобие кольца... старейший из них был подобен точке в середине круга... В нынешнее время, когда приблизится неприятельское войско, располагаются на той же фигуре, дабы не вошел в середину чужой неприятель» (1, с. 117).

По словарю турецко-татарских наречий, «курень — толпа, племя, отряд, корпус, полк» (1, с. 117).

Другой источник утверждает, что «курень», очень распространенное в те времена на Дону название, — большой дом для группы казаков. Впоследствии это название распространилось и на семейные жилища (3, с. 4). А автор статьи «Казачий курень» С. Пьявченко предполагает, что слово «курень» произошло, по-видимому, от курной избы (5, с. 132).

Изучение построек куреней станицы Вёшенской конца XIX – начала XX века показывает, что жилище строилось ближе к улице, фасадом к дороге у края ограды. Естественно, что вид жилища зависел от состоятельности хозяина. «Курени были разными — большими и добротными, малыми и худыми. На фоне невзрачных домишек, а то и просто мазанок-„завалюшек“ красовались богатые „домины“». Очень долго строения станицы Вёшенской были деревянными. Каменные дома стали появляться с середины XIX века в единичных экземплярах. Сооружение дома было большим событием в жизни казака и сопровождалось определенными обрядами. При строительстве дома было принято подкладывать под углы в его основании медные, серебряные, золотые монеты (в зависимости от достатка). Считалось, что это принесет долголетие дому, достаток и счастье хозяину.

Курень представлял собой квадратный дом, как правило, на высоком фундаменте. Крыша была одним из самых главных элементов жилища. Ее форма и материал связаны с природно-климатическими условиями местности. Крыша делалась шатровой четырехскатной, была покрыта камышом (тростником) или «чаканом» (рогозом). Пучки сухого камыша закрепляли и укладывали в несколько рядов, ярусов. Чтобы крыша не давала течи, ее верх (у трубы) плотно заполняли соломой и мелом. Такие природные материалы, как чакан, камыш, имели свои достоинства: зимой сохраняли тепло в доме, а летом — прохладу. И по сей день в станице можно встретить дома, крыши которых покрыты камышом.

Площадь лесов в окрестностях станицы и хуторов способствовала распространению форм деревянного исполнения жилища. Строили дома из деревянных наборных пластин, в заборку и из деревянного бруса, для чего использовали местный лес: дуб, вяз, вербу, часто срубленные в собственной леваде. Наружные и внутренние стены обивались дранкой. В промежутках между ними набивалась глина, перемешанная с соломой. После высыхания стены куреня смазывались глиной с песком повторно, потом покрывались

Курень зажиточного казака

раствором мела. Верхний слой белой глины предохранял от распада нижний слой красной глины. Иногда делали срубы со стенами, гладко оструганными изнутри и тщательно подогнанными друг к другу. Такие срубы обмазывали глиной только с внешней стороны.

В основном видовом ряду несколько вариантов куреня — традиционного народного жилища донских казаков. Остановимся на двух из них. Между собой подобные курени разнятся главным образом внутренней планировкой, характером входа и галереями.

Первый тип имеет все классические объемно-планировочные элементы казачьего куреня, которые относятся к донскому «северному» варианту постройки.

В плане это квадратный дом, обычно четырехскатный, включающий в свой объем идущий по двум или трем внешним сторонам стен узкий помост, балкончик-«балясник», шириной около 70 сантиметров, огражденный или не огражденный. Балкончик был очень удобен для закрывания ставен, а также для отдыха. Именно он придавал куреню неповторимый вид. Эти дома имеют каменные «низы» и деревянные «верхи». В нижней части дома со стороны

крыльца — хозяйственный вход в «низы». Здесь помещалась кухня. Дом «ошалёван» (обит тесом или пластинами) и покрашен в ярко-синий цвет. Неотъемлемой частью дома-куреня было небольшое крыльцо с двускатной крышей. На всем протяжении фасада — веранда. Окна снаружи закрывались двустворчатыми ставнями. Крыша железная. Характерная особенность внутренней планировки — дверные проемы, соединяющие комнаты вкруговую. Строили подобные дома люди состоятельные. Такой дом сохранился по ул. Шолохова, 103. Построен он в конце XIX века начальником Вёшенского почтового отделения Никанором Георгиевичем Каргиным. Куреней такого вида сохранилось очень мало.

К другому типу казачьего куреня относятся дома, строившиеся преимущественно в начале XX века, вплоть до 40-х годов. Такие курени строили в основном люди с небольшим материальным достатком. Стесненные в средствах казаки стали отказываться от некоторых традиций постройки дома. Перестали возводить высокие каменные «низы». Как следствие отпала необходимость в устройстве балясника.

Что касается архитектурных деталей куреней, то украшение орнаментом в станице было частым. Дома зажиточных казаков украшала резьба по дереву на карнизах, фронтонах, крыльце, ставнях.

Самой парадной жилой комнатой в казачьем курене была горница — чистая половина крестьянской избы.

В казачьей горнице — по достатку обставленной — хранилось все нажитое семьей. Здесь стояли сундук, обширный стол, красивый угольник, горка для посуды, имелись настенные часы, керосиновые лампы, зеркало в раме резной работы. В переднем углу размещались иконы. В простенке красовалась деревянная убранная кровать. На ней возвышалось несколько больших подушек. На окнах и над кроватью вешали ситцевые занавески. Такими же занавесками занавешивали печь, дверные проемы. Каждая хозяйка считала своим долгом следить за чистотой. Казачки — большие охотницы до цветов и особенно любят герань, по-местному «липка», и «невестку».

Для приготовления пищи в зимнее время хозяйка использовала кухню. В зимнее время в курене — это одна из комнат дома, а если дом круглый, то в «низах». В начале XX века стали строить отдельные кухни–«стряпки». В кухне была печь. Вдоль стен стояли деревянные лавки, небольшой стол для еды. На стене висел деревянный шкафчик для посуды, рядом — полотенца. В домашнем быту для приготовления

пищи женщина-казачка использовала ступу, в которой толкла пшеницу, кукурузу и другие продукты питания, с помощью «чапли» держала сковороду, для переноса чугунков использовала рогач, для работы в печи — металлическую кочергу с деревянной ручкой. Кухонная посуда была сделана из дерева: деревянные чашки, ложки, солонки, тарелки для блинов, даже разносы. Глиняные корчажки, «махотки», «бальсаны» использовались под жидкие и сыпучие продукты. В каждой казачьей семье для приготовления блюд использовались чугунки. В маленьких — варили кашу, картошку, щи, в большом чугуне — «звар» (компот из сухофруктов).

Нехитрой была обстановка и в сенях (прихожей). Там стояли деревянные лавки или топчан с ведром воды и кружкой. На стенах висели пучки трав. Сени — самое удобное место для хранения и сушки трав, так как в темноте и прохладе сохраняются целебные свойства растений.

Еще одним типом жилища казаков была «связь». Связь имеет форму продолговатого четырехугольника. Сенцы посередине как бы связывают жилую комнату и горницу. Часто для строительства связей применялся саман. Саманные постройки были дешевле в изготовлении и теплее. Такое жилье строили прежде всего небогатые казаки.

Среди построек Верхнего Дона часто встречается флигель. В словаре русского языка С.И. Ожегова читаем: «Флигель — пристройка сбоку главного здания или дом во дворе большого здания» (4, с. 698). Более точным для построек Верхнего Дона является второе толкование, так как флигелем могла называться постройка, в которой в усадьбе богатого казака размещалась летняя кухня, или «стряпка». А для казака среднего достатка флигель служил жилым домом. Внутренняя стена делила его на две жилые комнаты. Сени располагались вдоль всей продольной стены строения. Крыша — двускатная, покрывалась камышом, жестью, позднее — шифером. Флигеля строились из дерева или самана.

Много было жилищ, которые назывались хатами. Они состояли из одной комнаты с сенцами и ступеньками без крыльца. Такое жилье строили в основном бедные люди. Внешних стен было четыре, пятая, внутренняя, разделяла строение на две части: комнату и сенцы. Кроме русской печи еще одним источником тепла была печка-«подземка», которая размещалась обычно под кроватью. Подземка и печь соединялись дымоходом, скрытым под полом. Хаты строились из самана и принадлежали, как правило, украинским переселенцам, ко-

торые переносили на новые земли и образ привычного им жилища.

Рядом с домом строили летнюю кухню, «стряпку». Тщательной отделки она не имела. Использовали летнюю кухню как столовую в теплое время года с весны до осени. Зимой она служила подсобным или складским помещением. Строительным материалом для «стряпки» были камень, мел, саман или плетни.

Кроме летней кухни во дворе имелась и летняя печь, а рядом с печью — «поветка» (навес). На печке готовили корм скоту, а также отвары с резким запахом. На «поветке» сушили фрукты. Она представляла собой небольших размеров плетень, положенный горизонтально на столбы высотой до двух метров. Для сельскохозяйственных орудий, дров, хвороста навесы делались отдельно.

В усадьбе возводили и различные подсобные сооружения. Большая часть их была связана с хозяйственной деятельностью казаков. Постройки устраивались в глубине двора, ближе к внутренней ограде. Для размещения животных отводилось отдельное место, баз, с различными постройками. Сооружение не требовало больших материальных затрат. Строили сараи из местного подручного материала. В сарае могло быть несколько отделений — для коров, телят, быков, овец. Если хозяева держали свиней, то свинарники делались отдельно, как и сарай для водоплавающей птицы. Перед сараем имелся выгульный баз, ориентируемый обязательно на юг. Над частью база с наветренной стороны сооружали навес, чтобы в непогоду животные могли найти укрытие.

Рядом с базами располагалось гумно. Оно всегда обносилось добротной изгородью. На гумне размещали несколько стогов сена, соломы, а также скошенный, но необмолоченный хлеб. Здесь же располагался ток, на котором каменными катками или цепами обмолачивали хлеб. Солому складывали в скирды, а полову (остатки колосьев, стеблей и другие отходы при молотьбе) — в специальное помещение, «половню». Половня представляла собой небольшой сарай с легкими стенами, но очень надежной крышей. Находилась половня рядом с гумном и базами для скота.

У большинства казаков строился подъездной сарай со сквозным проездом на подворье. В сарае оставляли сани на лето, брички на зиму, хранили другие полевые орудия: лобогрейки, косилки, конные грабли.

Своеобразной постройкой на подворье казака был амбар,

где хранились зерно, мука, припасы. Строились амбары, как правило, на столбчатом фундаменте с рундуком (погрузочная площадка на уровне фундамента, которая примыкает к дверям амбара, шириной 1 м, длиной 3 м). Высота фундаментных столбов — 50–70 сантиметров, чтобы было удобно разгружать повозку. Полы и несколько рядов (нижних) сруба делались обязательно из дуба. Кровля чаще всего — камышовая, шатровая. Под амбаром — инвентарь: лопаты, грабли, вилы.

Конюшни представляли собой вытянутые постройки с плавно закругленными углами. Конюшня делалась для нескольких лошадей. Кроме строевого коня, которого использовали только под седлом, в хозяйстве держали рабочих лошадей. Базы с лошадьми были непременно отделены от базов с коровами и быками. Для сооружения конюшни использовался самый добротный материал, так как строевой конь должен содержаться в хороших условиях. В конюшне обязательно утеплялся потолок, настилался пол.

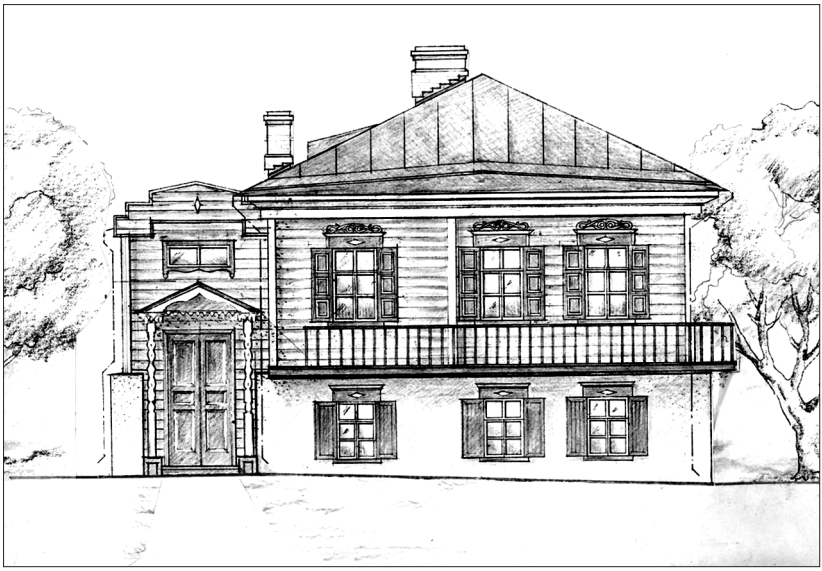
Еще одной необходимой постройкой в хозяйстве казаков станицы был ледник. Рыли котлован, стены обкладывали камнем. Дно ледника засыпали крупнозернистым песком. Зимой котлован забивали колотым льдом, засыпали снегом и сверху укрывали опилками или соломой. На лед обычно ставили молоко, квас и другие скоропортящиеся продукты.

Для получения ранних овощей казаки у себя в усадьбе сооружали «рассадню» — своеобразный парник, сооруженный сверху грунта. Из хвороста плели круглой формы плетень диаметром до двух метров и высотой до метра. Вниз рассадни насыпали свежий конский навоз, а сверху — слой хорошо удобренной земли. Благодаря теплу от перегнивающего конского навоза, хорошей освещенности (сверху клали оконные рамы) к наступлению устойчиво теплых дней обычно вырастала рассада овощных культур (капуста, помидоры).

В большинстве хозяйств держали кур. Курятник располагался в глубине двора и представлял собой поставленный вкруговую, обмазанный глиной с двух сторон и побеленный мелом плетень, сверху крытый камышом, чаканом (рогозом) или соломой.

При устройстве усадьбы казаки большое внимание уделяли возведению ворот и оформлению въезда. Внешний вид их находился в прямой зависимости от благосостояния семьи, ее трудолюбия и находчивости.

Дом, двор, гумно обносились изгородью. В хуторах и стани-



Воссозданный дом в станице Вёшенской, в котором в 1926–1928 гг. жил М.А. Шолохов

цах Верхнего Дона в конце XIX – начале XX века чаще всего для изгороди применялись плетни. Выбор материала для плетней зависел от того, какие ивы росли в данном населенном пункте. Обилие зарослей «белотала» (ива корзиночная), «чернотала» (ива козья и серая) в пойме степных речек и Дона, а также «краснотала» (ива красная) на песчаных увалах левобережья позволяло казакам использовать гибкие прутья для изготовления изгородей — плетней.

Плетни из краснотала шли на ограждение гумна и двора. Парадная сторона усадьбы часто ограждалась плетнями из белотала. Его прутья — гибкие, ровные и не имеют отростков, поэтому плетни получались более изящными, светлого оттенка, что придавало изгороди нарядный вид. Бытовали плетни и из чернотала. Но их вид не так радовал глаз, так как сами прутья темного цвета, с изгибами, с большим количеством отростков, для удаления которых требовались дополнительное время и силы.

До сих пор ограды из плетня встречаются в хуторах Пигаревском, Альшанском, Меркуловском, в станицах Вёшенской, Еланской, Базковской и других населенных пунктах.

Технология изготовления плетня несложная, но требует оп-

ределенного навыка и больших физических усилий. Заранее затесанные и высушенные колья забивают в землю на расстоянии 20–25 сантиметров друг от друга. Чем толще хворост (прутья ивы), тем реже и толще колья. Прутья обвивают колья в виде восьмерки. Дойдя до крайнего кола, мастер начинает плетение в обратном направлении.

После каждого цикла плетения («шара») полотно плетня «осаживают», уплотняют, ударяя деревянным брусом, обухом топора. Плетут изгородь весной в теплую погоду. В холодную погоду прутья гнутся хуже.

Более зажиточные казаки в редких случаях использовали штакет. В станице Вёшенской были сплошные дощатые заборы, но не у многих. Въезд и вход в усадьбу оформляли воротами с калиткой с выгнутой поперечиной над ней.

В хуторах, где зарослей ивы не было, а близко залегали выходы камня, изгородь делали из него. Высота забора из хорошо подобранных камней составляла 60–70 сантиметров. Базы, левады, огороды ограждались попроще. Для сооружения изгороди использовали подручный материал — хворост, камень, жерди, ветки, землю. Часто изгородью левад и садов по межевой грани служил бруствер водоотводной канавы, в который втыкали ветки от обрезки и прочистки садов.

Сотрудники музея-заповедника занимаются сбором и изучением материалов традиционной бытовой культуры казачества Верхнего Дона, чтобы больше узнать о той исторической среде, которая изображена в произведениях М.А. Шолохова, и чтобы сохранить прошлое донского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Губарев Г.В., Скрылов А.И. Казачий словарь-справочник. — Ансельмо (Калифорния, США), 1968.

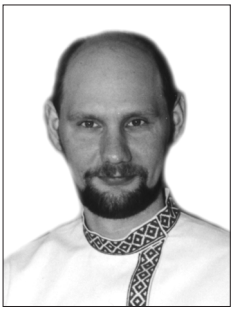
2. Королев В.И. Старые Вёшки. — Ростов н/Д, 1991.

3. Новак А., Фрадкина Н. Казачий курень. — Ростов н/Д, 1973.

4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М., 1988.

5. Пьявченко Е. Казачий курень // Богатый колодец: Историко-краеведческий альманах. — Ростов н/Д, 1991.

СЕМЕЙСКИЕ ТУЕСА



Любовь Сергеевна Дмитриева,

Андрей Леонидович Ященко,

творческая мастерская «Берестень», г. Иркутск

Туес (бурак, парочка, берестяная кубышка с тугой крышкой со скобкой или дужкой в ней) — вид берестяной посуды цилиндрической формы. Он используется для хранения воды, молока, кваса, сметаны, творога, масла, меда, круп, пряностей, соли, муки, грибов, ягод, рыбы и других продуктов. Благодаря замечательным свойствам берёсты продукты в туесах долго сохраняют свои вкусовые качества, соль не волгнет, соленья не плесневеют, молоко продолжительное время не сквашивается.

Квас в летнюю жару в туесе остается холодным, а в сильный мороз вода в нем не замерзает. Берестяные туеса — исконный предмет быта русского народа. Они — пример подлинного народного дизайна: логичная конструкция, прочность, суровая простота формы.

Туес по своему строению напоминает термос. Основными конструктивными элементами являются: тулово, дно и крышка (рис. 1). Параметры туеса: высота, диаметр и вместимость. Приведем варианты конструктивных особенностей тулова, обусловленных технологией его изготовления. Традиционно тулово состоит из внутреннего цельного (сколотня) и внешнего сшивного (рубашки) цилиндров (рис. 2). Рубашка изготавливается с использованием замковых соединений (креплений).

Замковое крепление используется для соединения берестяного пласта при изготовлении туесов (бураков), шкатулок, набирух и т. д. Соединение состоит из гнезд и язычков. Берестяной пласт для наружной обшивки изделия подбирают высокого качества, выкраивают из него деталь требуемого размера, при этом долевое направление должно совпадать с продольным направлением чечевичек (черточек) на берёс-

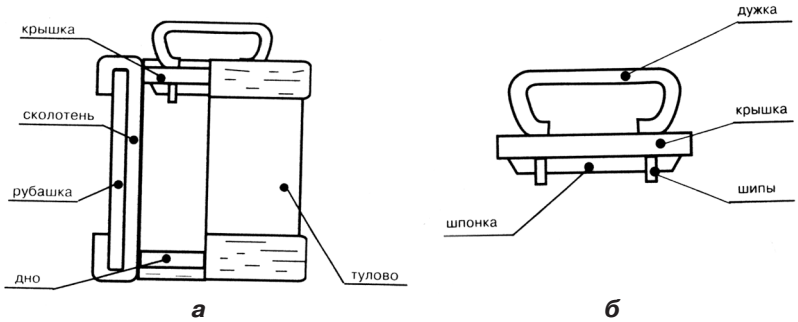


Рис. 1. Конструктивные элементы туеса (а) и крышки (б)

те. Припуск на шов (соединение) обычно составляет около 2,5–3 см до каждого края выкройки детали.

Соединение в замок включает три операции: разметку гнезд, вырезание (вырубание) гнезд и язычков, монтаж (замыкание) замка (рис. 3).

Разметку можно осуществлять либо по заранее приготовленному трафарету, либо сразу на выкройке детали, края которой нужно сшить замковым соединением. Вначале проводят ось замка, отметив припуск на замок от краев сшиваемых сторон выкройки детали. Это можно выполнить с помощью линейки, карандаша или шила. Далее на осях делают разметку шагов замка, при этом риски должны строго совпадать на обеих сторонах выкройки детали. После этого размечают гнезда замка через шаг. Необходимым является чередование гнезд по правому и левому краю детали.

Затем **гнезда вырубают**. На стороне, где оказалось больше гнезд, **делают к их центру продольные резы**, в результате чего получаются язычки (шипы замка), концы их немного заостряют. Сгибая **язычки** полукругом, **вставляют их в гнезда** противоположной стороны детали так, чтобы они оказались с ее внутренней стороны. В зависимости от конфигурации гнезд известны следующие замковые соединения: с круглыми, полукруглыми, секторными, прямоугольными, квадратными, треугольными и фигурными гнездами. Наиболее употребимо замковое соединение с круглыми гнездами (рис. 3). Оно надежно, легко в исполнении при использовании готового пробойника нужного диаметра.

Выступающие края сколотня загибаются наружу на рубашку и образуют ободки, под которые для устойчивости, прочности и придания выразительности форме тулова подкладывают бе-

рестяные полоски, тонкие прутики. Для увеличения полезной высоты сколотня нижний ободок может быть изготовлен из отдельной полоски берёсты, при этом эксплуатационные и декоративные качества туеса не ухудшаются.

Для хранения сухих продуктов изготавливаются туеса со сшивными внутренним и внешним цилиндрами. По высоте они одинаковые. Для сшивания внутреннего цилиндра используются контурные швы (рис. 4), реже — замковые соединения. Верхний и нижний ободки выкраиваются из отдельных полосок берёсты, каждый скрепляется, затем надеваются на цилиндры. Верх заготовки прошивается швом через край, низ — швом через край или контурным швом на нужной высоте от кромки.

Крышка предназначена для плотного закрывания туеса, чтобы даже воздух не проходил внутрь него. По этой причине размер ее должен строго соответствовать внутреннему диаметру сколотня. Это обусловлено требованиями лучшего сохранения продуктов и условиями надежной транспортировки их в туесе, что в старину осуществлялось на телеге. Конструктивно крышка для туеса включает: крышку с двумя отверстиями, ручку, состоящую из верхней дугообразной части и концов (шипов) с отверстиями, и шпонку. Материал на крышку используется такой же, как и на дно. В настоящее время наблюдается много вариантов изготовления крышек к туесам. Они различаются: по используемому материалу на крышки (дерево, берёста), на ручки (дерево, берёста); по форме ручки (дугообразные, точеные разной формы: круглые, луковичкой и т. д.); по способу крепления ручки к крышке (с помощью шипов и шпонок, расклинивания шипов, клея); по способу декоративного оформления (оклеенные берёстой, расписные и т. п.); по способу использования (накладные, утапливаемые).

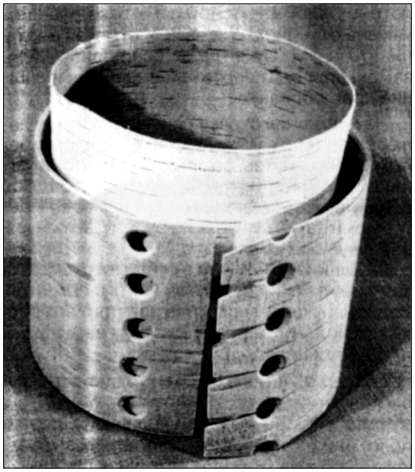


Рис. 2. Элементы тулова

Открывать туес рекомендуется нажатием пальцами на один бок крышки или на дужку вниз с последующим выемом за нее в наклонном положении. Не следует длительное время держать туес открытым из-за его возможной усушки вдоль волокон.

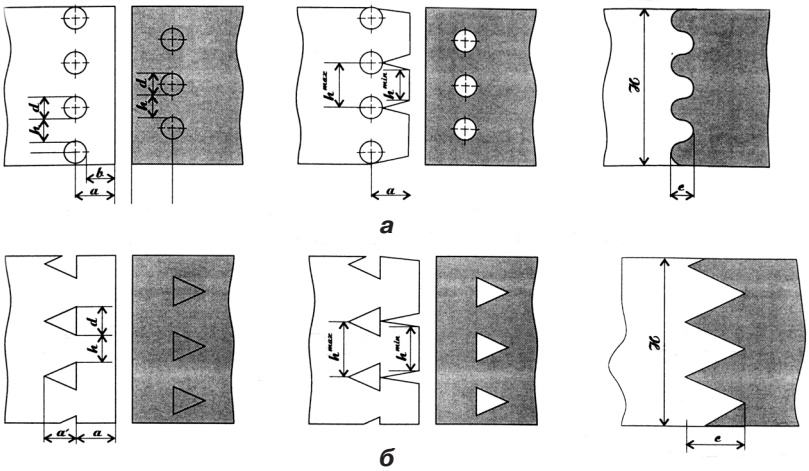


Рис. 3. Замок с круглыми (а) и треугольными (б) гнездами

Аккуратное и бережное обращение гарантирует его долговечность.

Дно, обычно толщиной 1,5–2 см, лучше изготавливать из хорошо просушенной, желательно центральной доски. Наилучшим материалом является кедр, однако используют и другие породы: березу, осину, тополь, ель и сосну.

Для плотного крепления дна в тулове его делают чуть больше. Рекомендуется наружную поверхность дна делать выпуклой, так чтобы края были тоньше середины на 0,5 см. Края закругляют и зачищают наждачной бумагой для предотвращения повреждения берёсты.

Прежде чем вставить дно, нижнюю часть тулова 10–15 минут распаривают в кипятке. Дно вставляют боком и сверху. Осторожно забивают его, постукивая деревянным молотком или бруском, не дожимая 5–10 мм до нижней кромки.

Последовательность выполнения: творческий замысел, проектирование туеса, изготовление шаблонов, подбор материала, выкраивание и изготовление элементов, монтаж тулова, изготовление дна и крышки, вставка дна, подгонка крышки.

Итак, в первой части статьи рассмотрены конструктивные элементы туеса и вопросы его изготовления. В Восточной Сибири такой вид берестяной посуды был распространен повсеместно. Нам приходилось наблюдать в середине XX века эти предметы в крестьянском быту в Иркутской области и Красноярском крае.

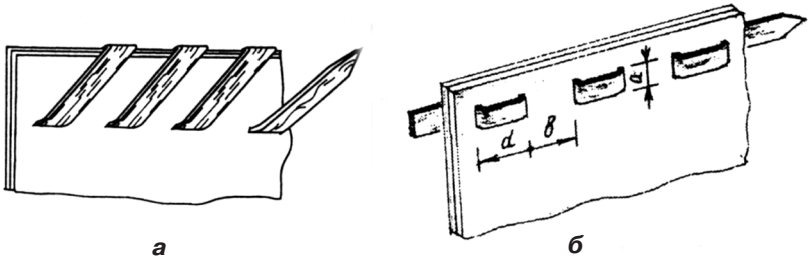


Рис. 4. Краевой (а) и контурный «лыко вперед» (б) швы

Далее описаны особенности туесов, значащихся в коллекции берестяных изделий Иркутского областного краеведческого музея как семейские. Место их бытования — Верхнеудинский и Качугский районы Иркутской области, сборы А.М. Поповой в 1925 году и И.И. Терновой в 1982 году соответственно.

Размеры туесов колеблются в следующих пределах: высота от 13,3 до 23,5 см, диаметр от 10,8 до 18,4 см, вместимость от 1 до 5 литров.

Конструктивные элементы таковы: сколотень; рубашка с замковым соединением с круглыми или треугольными гнездами либо сшивная; верхние ободки (от 2 до 3 см) уже в 2–3 раза нижних (от 4 до 9 см), являясь краями сколотня, загнуты на рубашку. Нижние широкие ободки, выкроенные отдельно, соединенные в замок и плотно надетые на тулово, обеспечивают туесу дополнительную прочность и устойчивость. Иногда используется прошивка нижнего ободка контурным швом. Деревянные дно и крышка имеют круглую или овальную форму. Особенно замечательны крышки с выпуклым верхом и выгнутыми из древесины ручками. Декор туесов скромный: тиснение незамысловатыми фигурами — символами солнца, да роспись травами зеленой, коричневой и синей краской.

При изучении описываемых туесов поражают их технологичность, функциональность и добротность. Такие предметы, исполненные с любовью и бережно используемые, незаменимо служили долгие годы и дожили до наших дней.

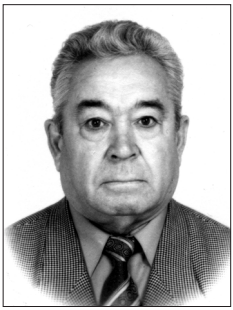
ЛИТЕРАТУРА

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М., 1994.

Дмитриева Л.С., Моролёв М.Н. Десять уроков от «Берестеня». — Иркутск, 2002.

РУССКАЯ БАНЯ

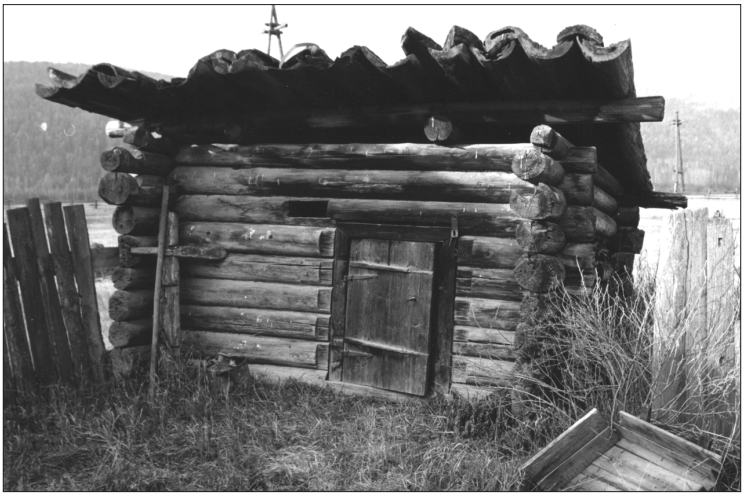
Юрий Петрович Бараков,
кандидат технических наук,
г. Владивосток



С древнейших времен доходят до нас сведения о банях. Археологические раскопки давно исчезнувших городов доказывают, что бани существовали и 5 тысяч лет назад. За 1 800 лет до нашей эры в священных индусских книгах «Веды» было сказано: «Десять преимуществ дает омовение: ясность ума, свежесть, бодрость, здоровье, силу, красоту, молодость, чистоту, приятный цвет кожи и внимание красивых женщин». О банях писали Геродот, Аристотель, Гиппократ, Гален, Овидий, Гораций. Устраивались «горячие воздушные ванны» во времена фараонов Древнего Египта. Но особенно банями (термами) увлекались в Риме. Термы императора Марка Аврелия Антония Каракаллы были на 2 500 мест, термы Диоклетиана — целый банный город — 3 500 мест.

В сущности, бани бывают двух видов: римские и русские. Все остальное — варианты. В римских (турецких) банях, финских саунах воздух в самом жарком помещении сухой, а в парном помещении русской бани — непременно влажный. Это основное различие римских и русских бань. Их так и разделяли по названиям: «горячие воздушные ванны» и «парные ванны». В римских (турецких) банях и финских саунах отличительная черта — низкая влажность, не превышающая 20 %, и относительно высокая температура, от 70 до 100–110 °С. В русской же бане температура в парной колеблется между 50 и 70 °С, а относительная влажность доходит до 80–85 %. Хотя температура парильного отделения в русской бане почти в два раза ниже, чем в римской, тепла в ней посетитель получает за одно и то же время в несколько раз больше.

Этот парадокс объясняется следующим. Известно, что температура и теплота — не одно и то же. Если температура — это степень нагретости вещества, то теплота — это форма движения материи, один из видов энергии. Теплота есть функция процесса теплообмена, когда какое-либо тело отдает тепло или берет у другого. «Поддавая» на раскаленную каменку очередную порцию воды и испаряя ее, мы отбираем у каменки ее теплоту, но передаем эту теплоту пару, который, в свою очередь,



Ленская банька (д. Куницина Качугского района Иркутской области). Фото Ю.П. Лыхина, 2004 г.

отдает ее «парильщику». Вода, как известно, является очень теплоемким веществом. Чтобы нагреть один килограмм воды от 0 °С до температуры кипения (при атмосферном давлении 760 мм рт. ст.), надо затратить тепла около 420 килоджоулей (100 килокалорий), а чтобы превратить это количество (уже нагретой до температуры кипения) воды в пар, требуется более 2200 килоджоулей (более 500 килокалорий!). Эта, последняя, теплота называется «теплотой парообразования». Если при этом сравнить среду в парной русской бане, где температура, скажем, 65 °С, со средой финской сауны, где температура, к примеру, 100 °С, то теплосодержание среды в парном отделении русской бани в несколько раз больше, чем в финской сауне (при равных объемах помещения). Все дело в разных теплоносителях: в парной русской бане — пар, в финской сауне — горячий воздух. Пар более теплоемкий, чем воздух. Высокое теплосодержание парной обусловливает повышенный теплообмен «от пара — к парильщику». Этому способствует во время парной процедуры, с использованием веника, частичная конденсация пара, сопровождаемая высвобождением большого количества теплоты парообразования, и, как следствие, происходит интенсивный глубокий прогрев «парильщика».

Таким образом, всего за несколько минут нахождения в хорошей парной, правильно орудуя веником, посетитель может прогреть свое тело «до мозга костей». Низкое теплосодержа-

ние среды в финской сауне требует более продолжительного времени нахождения в ней, чтобы получить хотя бы приблизительно аналогичный тепловой эффект. Да и увлечение излишне высокой температурой сауны (100 и более градусов) небезопасно для кожного покрова человека. Впрочем, выбор парной или сауны — дело любителя. Мы же продолжим наше повествование о парной русской бани, об оптимальной ее температуре и влажности, о правильном владении веником, наконец, о грамотном обустройстве парильного отделения и каменки — в этом и заключается вся мудрость банного дела, добытая нашими предками на протяжении многих веков.

ОБУСТРОЙСТВО РУССКОЙ БАНИ

С глубокой древности стали строить на Руси бани. По мнению иностранных путешественников, любовь русских к мытью — их главная особенность: ведь «здесь нет ни одного города, ни одного села, в которых не стояла бы паровая баня». Писались же процитированные строки в XVIII веке, когда европейцы, в том числе и английские аристократы, не очень утруждали себя регулярными омовениями, а изобретали всевозможные приспособления для чесания изнывающих от грязи различных частей тела.

Воздвигая современные бани не только из дерева, а зачастую из камня и бетона, или оборудуя парные в ранее построенных помещениях из сборного железобетона, необходимо всегда обращаться к народным традициям, к многовековому опыту наших предков. В качестве примера возьмем традиционную деревенскую баню. Крестьянин, знающий толк в банном деле, никогда не ставил сруб бани из твердых и смолистых пород деревьев (лиственница, сосна, дуб и т. п.). Обустройство бани упомянутыми породами приводит при нагревании не только к выделению смол, от которых трудно отмываться, но и к нагреванию поверхности полка и других атрибутов парной настолько сильному, что обжигает оголенные части тела, а также не позволяет стенам и потолку впитывать в себя излишнюю влагу. Поэтому на обустройство бани всегда использовали только осину или липу. Эти породы деревьев, имея пористую, бархатистую структуру, предотвращают от заноз, не темнеют, сильно не нагреваются, а главное, будучи гигроскопичными, хорошо впитывают (и испаряют) влагу, подсушивая пар во время парной процедуры. Дерево упомянутых пород является, по существу, идеальным материалом для обустройства парной в русской бане.

Второе важное правило при строительстве русской бани — отказ от каких-либо металлических предметов, в том числе гвоздей. В старину бани, как и некоторые храмы, строились без едино-

го гвоздя. Во время парной процедуры шляпка гвоздя может вызвать нешуточный ожог кожи.

Оборудуя парную даже в помещении со стенами из сборного железобетона, необходимо облицовывать пол, стены, потолок деревом с гигроскопическими свойствами, например осиной. Из этого же дерева следует изготавливать полок и сиденья и исключить применение металлических гвоздей. А там, где стены бетонные или кирпичные стены выложены кафелем, сухого пара, здоровой бани может и не быть — здесь влага останется на стенах и вымочит жар.

Следующим этапом является каменка. В сущности, каменка в парной является генератором пара. Причем хорошая, правильно протопленная (нагретая) каменка дает пар таких параметров (температура и влажность), который не идет ни в какое сравнение с паром, например, полученным в паровом котлоагрегате. Еще на моей памяти в середине XX века в деревнях каменки сооружали исключительно из одних камней, каркас каменки — боковины, верх и заднюю стенку — из больших валунов, а обкладывали каркас «голышами». Подходящие по форме и размеру валуны отыскивали по берегам реки. Гранитные камни для каменки считались непригодными из-за вредных выделений. «Голыши» — кварцевые камни, размером и формой с большой огурец, собирали также по галечным берегам реки. Вообще мощность каменки прямо пропорциональна массе ее камней и подбиралась в зависимости от количества постоянных пользователей. Обычно после субботних парильных процедур и помывки всех членов семьи каменка еще сохраняла часть тепла и окончательно остывала только к утру.

Каменка не простой инструмент, хотя и оборудуется как бы на уровне «каменного века». Наши далекие предки в результате многовекового опыта интуитивно освоили термодинамические свойства водяного пара и приспособили его для собственного оздоровления и наслаждения с оптимальными для этой цели параметрами. Стоит баню немного не дотопить, немного ошибиться с дровами, как пар в ней вы получите сырым и тяжелым от повышенного содержания влаги и пониженной его температуры. Такой сырой пар не удается выдержать долго, как не удается выдержать крутой кипяток. Сырой пар сгоняет тебя с полка еще до того, как ты успеешь прогреться насквозь. Баня, где ровно разлит крепкий, сухой пар, где искусство владения веником достигает завидного совершенства, где стены, потолок и полок будут встречать тебя ароматом пареной ржи, духовитостью березовой рощи или сладковатым привкусом солода, — только такая баня, пожалуй, и станет идеальным воплощением науки, которую создал народ.

Протапливают каменку березовыми, лиственничными или другими дровами, которые дают большой жар. Поленья должны отгорать ровно, оставляя в очаге жаркие угли. Делая в топку несколько закладок дров, нагревают каменку с таким расчетом, чтобы тыльной стороной руки на расстоянии примерно полметра ощущался жар, идущий от нагретых камней. Это относится и к каменке, нагреваемой и другими источниками тепла. Плеснув на каменку небольшую порцию воды, увидев, как мелкие шарики воды беспорядочно прыгают с камня на камень, услышав взрывоподобный гул испаряющейся жидкости и ощутив, как пар мгновенно охватывает тебя здоровым, ядреным, горячим жаром, с удовлетворением отмечаешь, что банька готова.

БАНЯ-ПЕЧЬ

Нельзя не вспомнить старинный русский обычай, встречающийся в глухих местах кое-где и сейчас, мыться-париться в русской печи.

Раньше, еще совсем недавно, в каждой крестьянской избе стояла русская печь, занимая добрую треть площади дома. Это уникальное и универсальное русское сооружение из глины или кирпича, это «русское чудо», уважительно называли «боярыней». Ничего подобного в других странах не существовало.

Перечислим, какие «обязанности» выполняла русская печь. В ней регулярно пекли на многочисленную семью пышные караваи хлеба, сдобные булочки и шаньги, румяные пироги. В печи томились в чугунках наваристые щи и рассыпчатые каши, варилось топленое молоко и различные холодцы, уваривался в больших чугунах корм для скота. На верху печи постоянно сушилось зерно, предназначенное для помола. На специальной лежанке «за печкой» спал кто-то из членов семьи (дедушка, бабушка), согревая бока и спину. На печи спали дети. В «загнетке» под слоем золы долго сохранялись раскаленные угли, с помощью которых (при дефиците спичек) в печи снова разводили огонь. Даже одалживали такие угли соседям взаймы (существовало мнение, что «домашний» огонь нельзя насовсем отдавать в чужие руки). Протопленная два, редко три раза (в сильные морозы) в неделю русская печь давала ровное, здоровое тепло всей избе. Непременными атрибутами русской печи были: ухват, лопата, клюка, сковородник, помело, заслонка. На шестке можно было из мелких дров развести небольшой костерок, чтобы на таганке разогреть быстро завтрак или вскипятить чай. И последнее, русская печь заменяла баню.

На под печи, чисто подметенный помелом, стелили широкими плотными рядами солому либо настил из оструганных осино-

Русская печь (д. Заплёскина Жигаловского района Иркутской области). Фото Ю.П. Лыхина, 2003 г.

вых досок. В раскаленное горнило печи, вмещающее два или даже три человека, ставили шайки с холодной и горячей водой, запасались веником и другими банными атрибутами и через печное устье проникали внутрь. Загородив печное устье заслонкой, приступали к банным процедурам, пар поддавали, плеская воду на стенки и свод.

Мыться и париться в печи привыкаешь быстро. Сноровка пролазить в ее устье, орудовать веником, не касаясь свода, вылезать наружу приходит уже после двух–трех посещений этой импровизированной бани. Немощных членов семьи, кому трудно было самому забираться в печь, сажали на широкую струганую осиновую доску и вталкивали, как каравай, внутрь. Эффект от русской печи был, как от парной бани. Набравшись тепла, пропотев, прогревшись насквозь, крестьянин укреплял здоровье и на целую неделю восстанавливал свои силы.

В БАНЕ ВЕНИК — ДОРОЖЕ ДЕНЕГ

В незапамятные времена родилась на Руси пословица, что приведена в заголовке. Без веника в парной человек будет сидеть как истукан и чувствовать себя как без рук. Хорошо прогреть свое тело и получить большое удовольствие в парной без веника нельзя. Мощный глубинный прогрев тела за непродолжительное время нахождения в парной достигается только с помощью главного инструмента в русской бане — веника.

Заготовка веников не простое занятие. В каждой местности нужно знать время, когда можно ломать ветки. Это важно для того, чтобы ветки и листья уже достигли своего оптимально-

го размера и прочности, не успев обжечься жарким летним солнцем.

Например, в Восточной Сибири березовые веники заготавливают на Петров день — в первых числах июля. Нарезанные, аккуратно сформированные, прочно и по руке связанные веники вывешивают для просушки на сквозняке, оберегая от прямых солнечных лучей. Раньше в деревнях веники заготавливали двух размеров — для взрослых и для подростков. Связанные по паре веники вывешивали и хранили перекинутыми через перекладину под навесом, в амбаре или под крышей дома (у нас называли — «на подызбице»). Заготовленных веников с лихвой хватало на целый год.

В некоторых регионах России, например на Дальнем Востоке, широко используются дубовые веники. Есть и экзотические веники — из эвкалипта и других пород лиственных деревьев и даже хвойных, а также из крапивы. Однако наиболее широко применяются березовые и дубовые веники.

Три функции выполняет в парной веник: массирует тело, увеличивает и ускоряет теплообмен и убирает (частично впитывает в себя) с поверхности кожи излишнюю влагу, образующуюся в результате потоотделения и частичной конденсации пара.

Как известно, различают конвективный теплообмен и теплообмен излучением (последний в данном случае не рассматривается). При конвективном теплообмене одной из составляющих его является скорость, интенсивность перемещения сред относительно друг друга. Попробуйте, сидя в жаркой парной, резко взмахнуть рукой, и сразу почувствуете упругий напор тугого жара, проникающего в руку. За сравнительно короткое время нахождения в парной с помощью хорошей работы веником человек вбирает в себя огромное количество теплоты, прогревая свое тело, как говорится, «до мозга костей». Именно венику мы обязаны интенсивным теплообменом во время парной процедуры. «Напарился от души», «хорошо пропарил свои кости», «замечательно попарились» — эти и подобные им высказывания нередко можно услышать от многих людей, посетивших с веником парную в русской бане.

Кроме массирования тела и интенсивного прогревания во время работы веником с поверхности тела удаляется также обильная влага: пот и конденсат пара. Осушая кожу, веник не только способствует лучшему прогреванию тела, но и повышает порог выносливости «парильщика». Именно поэтому перед парной процедурой веник должен быть только слегка запаренным, настолько, чтобы увлажнить листья и предотвратить их осыпание, но чтобы они не потеряли свойство впитывать

Вязка веников (Х.Д. Лыхина в д. Лыхина Киренского района Иркутской области). Фото П.И. Лыхина, 1960 г.

влагу. Мокрый, перенасыщенный влагой веник не годится для парной, так как будет вымачивать жар и преждевременно сгонит с полка.

ПАР КОСТЕЙ НЕ ЛОМИТ

Прежде чем совершить восхождение с веником в руках на полок, сухой веник нужно запарить. Нельзя запаривать веник в крутом кипятке — можно сварить листья, которые потом быстро осыплются. Вода в тазу должна быть не очень горячей. Сильно размачивать веник также не следует — листья и ветки должны быть слегка влажными, но не мокрыми.

Еще в глубокой древности русские люди использовали настой почек некоторых деревьев для мытья головы, чтобы не выпадали и не секлись волосы, а кожа не была сухой. Вода, в которой запаривался веник (будь он березовый или дубовый), также обладает целебными свойствами, а выплеснутая на каменку — дает бане приятный и полезный запах. Бодрость и свежесть приносит такой настой всему телу. Некоторые любители, прежде чем опрокинуть ковш с водой на каменку, добавляют туда чуть-чуть квасу — какой дух в бане! Или липового, или мятного настоя, или эвкалиптовой настойки — дышится, словно весной в дубраве! Некоторые немного арбузного сока добавляют: будто на бахче парятся. Другие предпочитают подсыпать в ковш ложечку сухой горчицы, за-

ранее поджаренной: подышишь, говорят, горчичным духом, никакой грипп не возьмет...

Плеснув на каменку два–три ковша, услышав взрывообразный гул испаряющейся жидкости, ощущаешь, что тебя мгновенно окружает и как бы сжимает сухой, ядреный, раскаленный жар. От жара трещат на голове волосы, кажется, что ты находишься в огне, но в этом огне почему-то не так уж трудно дышится... Сухой пар не шпарит, не обжигает, он глубоко и мягко прогревает тебя. Не случайно веками живет русская пословица: «Пар костей не ломит».

Веник в твоих руках должен ходить жарко и правильно. Сечь сплеча, жечь спину — это всего лишь удальство, а не искусство париться. Настоящее искусство начинается с легкого, невеликого прикосновения веника к телу. Париться полагается лежа, а начинать надо со ступней приподнятых ног, постепенно продвигаясь веником по всей их длине по ходу кровотока, разогревая и продвигая застоявшуюся в конечностях венозную кровь. Распаренные мягкие листья медленно гонят по твоим ногам горячий пар, убирая выступивший пот и конденсат пара. Листья, а за ними и ветки веника чаще касаются тебя, и вот уже весь веник жарко ходит по твоим чреслам...

Прогрев «до мозга костей» ноги, то же самое делают и с руками. Дальше очередь доходит до спины. Поперек спины веник не ходит — еще одна из банных заповедей... Сначала веник разгуливает вдоль позвоночника, разливая по телу горячую испарину, захватывая правый и, тут же, левый бок. Затем медленно возвращается обратно, чтобы снова начать выхаживать тебя вдоль позвоночника. Без помощника здесь, конечно, не обойтись.

У некоторых заядлых «парильщиков» во время парной процедуры обнаруживаются отдельные места на теле, требующие особо сильного жара и интенсивной работы веником. Чтобы «добрать» такое место, приходится еще и еще добавлять жару и обихаживать это место веником до «победного конца», а для защиты головы и кистей рук — надевать головной убор и рукавицы.

Вволю и от души напарившись, хорошо принять душ либо вылить на себя несколько шаек воды, наконец, нырнуть в бассейн, озеро или речку, либо поваляться в снегу или окунуться в прорубь. Такие процедуры можно повторять после каждого восхождения на полок, и все они являются прекрасным средством «термомассажа» и закаливания. Следует при этом помнить, что снег, хоть и имеет отрицательную температуру, равную температуре на улице, тем не менее за счет своей пористости обладает низкой теплоемкостью, чего не скажешь о воде в проруби, хотя и имеющей положительную (плюсо-

вую) температуру. Валяясь в снегу или окунаясь в прорубь, надо помнить, что здесь также происходит теплообмен, но уже в обратном направлении: от тела человека — к снегу или воде. Если в первом случае этот теплообмен незначительный, за счет низкой теплоемкости снега, то в случае с ледяной водой — интенсивный, так как вода очень теплоемкое вещество. Зато термомассаж в случае со снегом намного эффективнее — перепад температур может достигать 100 °С и более (сравните: в парной, например, плюс 70 °С, а в снегу — минус 30 °С).

Пользование парной баней, как и всякими сильнодействующими средствами, требует врачебного контроля, разумной осторожности и строгой дозировки.

По наблюдениям, у здорового человека при 15-минутном пребывании в парной резко активизируется потоотделение, температура тела повышается до 39°С, частота дыхания увеличивается в 2–2,5 раза. Неумеренно длительные парные процедуры противопоказаны даже заядлым и тренированным «парильщикам», а неправильное владение веником может оказаться просто бесполезным. И все же парная баня, если ею правильно пользоваться, является незаменимым и эффективным средством оздоровления организма и в наш век интернета. Вспомним еще одну пословицу: «Баня парит, баня правит, баня все поправит». Нужно только знать и соблюдать во всем меру.

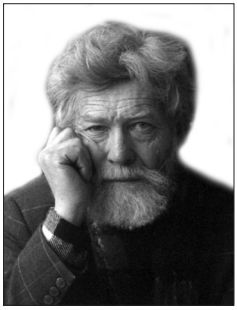
Мастерское обращение с веником — этим русским «теплотехническим и массажным» прибором, березовый или другой настой — немудреная, но целебная банная косметика, удивительный жар русской бани, изгоняющий и предупреждающий многие хвори, — все это еще раз заставляет вспомнить, понять и оценить тех людей, которые создали и верно хранят традиции русской бани. По этому случаю вспомним слова поэта:

В жизни мирной или бранной
У любого рубежа
Благодарны ласке банной
Наши тело и душа.

В заключение не могу не упомянуть об одном любопытном факте. На протяжении многих десятилетий, когда мне приходилось париться и мыться в чьей-либо бане в Сибири и после этого благодарить хозяина за доставленное удовольствие, всегда слышал из разных уст один и тот же ответ: «За баню спасибо не говорят». Настолько святым и само собой разумеющимся, непреложным делом считалась и считается на Руси, особенно в Сибири, банная процедура. Это одна из национальных особенностей, если хотите, одна из граней менталитета русского человека.

С легким паром, уважаемый читатель!

КУЗНЕЦЫ



Валерий Нефедьев

I

Отцу нашему Ефиму Ивановичу Нефедьеву было 18 лет, когда он решил заняться кузнечным делом, это незадолго до первой Германской. На его родной заимке Лебедевской, Каменской волости Черемховского уезда, насчитывавшей всего домов десять–двенадцать, своей кузницы не было, и все обращались с кузнечной нуждой на Михеевскую, где уже давно ковали наши однофамильцы, братья Нефедьевы, прозванные по отцу Николаевскими.

На берегу нижнего пруда, как раз напротив родительского дома, рядом с плотиной, отец поставил небольшой сруб без мха с односкатной крышей и двустворчатыми широкими дверьми. Никакого инструмента или оборудования, кроме молотка да, может, кувалды, у него не было. Надо было достать главное — наковальню и мех. Кто-то подсказал парню, мол, в Олонках, пятьдесят верст вверх по Ангаре, у одного старого кузнеца есть лишняя наковальня. Ефимка запряг Карьку, прихватил ведро топленого масла и привез эту наковальню. За мехом пришлось ехать на другую сторону Ангары по льду, в Черемхово. Не знаю, где он нашел там мех, может, на каком-нибудь кожевенном заводишке или так же выменял у кузнеца на деревенский харч. Горн смастерил сам из подручных материалов. Из кирпича сложил основание с боковой и задней стенкой, воздуховод загнул из кровельного железа, из него же выкроил вытяжной зонт-шлем. В середину основания вмазал толстую чугунную плиту от печки, в ней насверлил позаимствованной у соседей ручной дрелью отверстия по кругу, под основанием в конце воздуховода сделал поворачивающуюся заслонку с длинной ручкой из железного прутка толщиной в полдюйма — ею управляют подачей воздуха. Наконец за горном в углу на двух балках подвесил мех, так чтобы нижняя половина его, всасывающая воздух, при опускании не касалась земли, а квадратное нагнетающее отверстие совпадало по высоте и направлению с воздуховодом. Все это Ефимка соединил плот-

В.Е. Нефедьев в домашней кузнице. Поселок Большая Речка Иркутской области. Фото В. Перфильева, 2003 г.

но хомутами, к верхней половине меха, к дощатой его крышке прикрепил веревку, в потолок над нею вбил крюк, к которому подвесил шест с кольцом-ручкой на конце, другой конец его связал с мехом. Попробовал качнуть, и мех вздохнул, будто ожил, а горн зашипел, запыхтел, из отверстий его, подымая пыль, подул ветер. Покачал еще, мех быстро раздулся, поднялся до отказа, складки кожи на нем распрямились, очип опустился и работал вхолостую. Однако воздуха в горне не прибавилось, давление его оставалось таким же слабым, как вначале. Ефимка догадался, что забыл положить на верхнюю крышку меха груз. Нашел два старых лемеха от плуга, добавил к ним еще плужное колесо — и горн загудел, мех быстро стал опускаться, очип с кольцом пошел вверх, теперь каждый качок давался с усилием и слышно было, как всхлипывает, забирая воздух, в нижней деревянной крышке клапан.

Все готово, наковальня стоит рядом на вкопанной в землю толстой чурке, притянута к ней за лапы железными полосами — не покачнется. Конический носок ее смотрит к дверям, к свету, он с левой руки, самый рабочий, другой прямоугольный, с квадратным отверстием под разного рода оправки — нижники, к дальней стене. Под ним, с правой руки впритык к чурке, низенький столик под будущие инструменты; пока же на нем

сиротливо ждет работы единственный простой молоток. Все придется ковать самому: зубила по холодному и по горячему, бородки и пробойники, оправки разного вида и, главное, клещи и ручник — большой, фунта на два, кузнечный молоток. Все эти инструменты Ефимка развесит на длинной скобе возле горна, оставив на столике лишь то, что необходимо для определенной работы. Сделать бы еще деревянный верстак у окна, купить стуловые тисы, ручной сверлильный станок на стену, наждак, тоже ручной, кое-что по мелочи, но это потом. Старый жернов для отяжки колес он уже привез с морозовской мельницы.

— Нюрка! — крикнул Ефим сестру, по-хозяйски встав в дверях своей кузницы и весело оглядывая пруд, где она пасла гусят. — Неси скорей щепок.

Угля Ефимка привез три мешка из Черемхово, когда ездил за мехом. Вскоре над кузницей из широкой трубы, сделанной из двух железных бочек, взвился дымок, над тихой гладью пруда, растекаясь вверх и вниз по всей Кяхтинской пади, поплыл звонкий отзвук наковальни, пока еще негромкий, робкий, но все же настоящий, деловой, кузнечный, который не спутаешь ни с каким другим.

Надев верхонки, Ефим Иванович — так скоро будут величать кузнеца — нагревал в горне концы двух стальных прутков толщиной в палец и длиной в пол-аршина. Он ковал свой первый инструмент, клещи, без которых кузнецу никак не обойтись. На очипе, вздымая мех, с веселым визгом подпрыгивала и качалась Нюрка.

II

Клещи — продолжение рук кузнеца, их надо иметь несколько: для тонкого материала, для толстого, для кругляка, для полосы, для квадрата, с короткими губками, с длинными, с широкими и узкими. Имея хотя бы одни клещи, уже можно ковать небольшие детали. Так были сделаны Ефимкой пробойник и оправка для отверстий под черешки к зубилам, гладилкам, бородкам и ручнику, без клещей этих инструментов не сделаешь. Кувалду, по-кузнечному молот, по-народному еще балда, балдушка, Ефимка должен был найти легко, они при тогдашнем в основном ручном труде были распространены повсеместно. Короче, дело у Ефимки пошло, начали поступать заказы от заимочных жителей: кому кочергу загнуть, щипцы для самоварных углей, кому дверную скобу заменить, навесы для дверей стайки выковать, жаковину для калитки — простые вещи. Но вот однажды подъехал к ефимкиной кузнице зажиточный мужик, Галавтифон Лебедев, чьи предки основали заимку, и заказал отянуть шинами колеса для дрог. Ефимка взялся, но не обещал скоро, потому что пока не знал кое-каких тонкостей

Ковка гвоздей. Фото И. Бержинского, 2005 г.

этого дела, каким инструментом отягиваются колеса, простые клещи для этого не годились. Надо было где-то подучиться, подсмотреть. Решил съездить на михеевскую к однофамильцам, братьям Николаевским. Старший из них, Георгий, был за главного, средний, Иннокентий — подручным, младший, Александр, ровесник Ефимки, в учениках, в основном на подхвате: дуй, бей, тащи углей, кузницу мети, по воду иди.

Приехал. Перед кузницей их, у самого ручья, лежит точно такой же мельничный жернов, как у него, из середины торчит толстый винт с широкой шайбой и гайкой-барашком. Возле валяются двое длинных, аршина в два, клещей с подвижной верхней губой, захватом. «Вот они какие, тяги», — подумал Ефимка и тут услышал:

— А, Ефимка, с чем пожаловал? Говорят, кузницу затеял.

У дверей кузницы стояли три брата, как три богатыря.

— Да, вот хотел посмотреть, как вы колеса отягиваете, — ответил Ефимка.

— Хм, посмотреть, ишь какой шустрый, у нас чичас другá, брат, работа, — сказал средний.

— Той-ка, той-ка, братька, той-ка, — остановил его старший. — Пусть посмотрит, за посмотр деньги не берем. Покажем, почему бы ни показать, только с одним условием: если дальше Сашки нашего кувалду бросишь.

Ефимка посмотрел на Сашку, ядреного косолапого парня, с которым не раз встречался на полянках, пожал плечами, согласился:

— Давайте.

Средний брат снял со спицы, вбитой в стену кузницы возле дверей, одну из шин, кинул на землю, тут же выкатил колесо от ходка.

— Бросай, Ефимка, первым, — сказал старший, хитро щурясь.

Ефимка принял от Сашки восьмифунтовую кувалду, взвесил на руках, перехватил за самый конец черня, подошел к жернову, раза два качнул за спину, напружинился и запустил, раскручивая молодое здоровое тело по ходу полета.

— Молодец, Ефимка, далеко запузырил, — похвалил старший. — Беги за ней, неси, теперь Сашкин черед.

Ефимка в развалку побежал за кувалдой. Он чувствовал, что в этом состязании есть какой-то подвох, и оглянулся. Средний брат обкатывал шину колесом с наклоном вовнутрь. Когда Ефимка шел обратно, средний, нагнувшись, сделал на шине какую-то отметку и тут же скрылся с нею в кузнице.

— Ну, Сашка, теперь ты, — сказал старший.

Сашка бросил ближе.

— Э, Сашка, Сашка, подвел ты нас. Беги, Ефимка, за кувалдой.

Ефимка стремглав бросился за кувалдой, надо было успеть посмотреть, что братья делают с шиной в кузнице. Когда он забежал в кузницу, шина была уже на наковальне. Средний брат бил малой кувалдой по накаленному добела рубцу, по кузнице разлетались шуршащие белые искры. «Сваривают», — заметил Ефимка. Возле наковальни лежал, дымясь, еще красный короткий обрубок. Сварив концы шины, старший вернул ее обратно в горн стоймя и стал тихонько поворачивать, равномерно нагревая.

— А теперь пойдем, Ефимка, покажем тебе, как колеса отягивают, раз ты дальше Сашки нашего кувалду бросил, — сказал старший, выхватил клещами шину из горна и побежал к жернову, на котором уже лежало колесо, надетое ступицей на винт и прижатое к нему гайкой так, что обод, ступица и спицы находились в одной плоскости. Он набросил шину на колесо, она показалась Ефимке малой, потому что доброй своей половиной не заходила на него. Младший и средний братья, вооруженные тягами, тут же ухватили ее с двух сторон и надавили, уперев торцы тяг в обод. Шина осела, щели между спицами, ободом и ступицей сошлись. Оставался зазор между концами обода, но и он сомкнулся, когда братья, перехватясь тягами, надавили еще раз. Колесо задымилось, вот-вот вспыхнет пламенем, но средний брат, подбив шину кувалдой, выровнял ее по всей окружности колеса, мигом открутил гайку, сдернул его с жернова и с силой и

У кузнечного горна. Фото И. Бержинского, 2005 г.

каким-то весельем катанул под горку в ручей. Колесо, дымясь, докатилось до ручья, остановилось и, как бы раздумывая, медленно завалилось в воду. Пошел пар.

Сашка подбежал, вынул готовое колесо, поднес к Ефимке показать.

— Понял? — спросил он заносчиво.

— Чего ж тут непонятного, — ответил Ефимка и, заметив в шине отверстия, спросил: — А гвозди-то будете забивать?

— О-о! Какой глазастый, — удивился старший. — Пожалуй, из тебя выйдет кузнец.

— Ладно, спасибо, мужики, за науку, а обрубок-то от шины сохраните себе на память, я же видел, как вы обмеряли ее, в этом весь ваш секрет, так-то.

III

В разгар коллективизации отец переехал с Лебедевской заимки вслед за другими в Новую Иду из-за нехватки земли, перевез туда все оборудование своей кузницы. Сруб купил у бурят. Я хорошо помню новую отцову кузницу. Это был пятистенок: слева кузница, справа баня. Стоял он за колодцем, возле огорода. Ковал отец «на дому» мало, так как работал в колхозной кузнице. В 1945 году его не стало, на его место пришел Тимофей Иванович Митрофанов из соседнего села Алендарь. С его сыном Лешкой, старше меня на один год, я учился в школе и не думал, что буду с ним работать в той же кузнице, в которой работали наши отцы. Окончив 10 классов, по тогдашнему положению, чтобы поступить в институт, я должен был, как и все выпускники, два года отработать в колхозе или на производстве — трудовой стаж. Наш 10-й «б» райком комсомола сагитировал поехать в колхоз «Труженик», мой колхоз, чему я очень обрадовался. Первое

время меня наряжали на разные работы, но вскоре я узнал, что Тимофей Иванович болен, в кузнице управляется один Лешка, попросился к нему в подручные и был принят.

Лешка, богатырского сложения добродушный курносый парень, несмотря на молодость, многое уже умел, перенял от отца (вот когда я сильно пожалел о своей безотцовщине). Лешка умел ковать лошадей, делать болты и гайки, закаливать инструмент, изготовлять буравы и центровки, паять и лудить, осваивал кузнечную сварку. Скоро и у меня кое-что начало получаться. Лешка давал мне постоять у горна.

К зиме основной работой у нас были подвод подрезей под сани и ковка лошадей. Конюх или тот, за кем была закреплена лошадь, приводил ее под уздцы к кузнице, стоявшей на пустыре у пересыхающего в жару ручья Бугутуй, заводил в станок. Станок представлял собой четыре вкопанных в землю крепких столба на расстоянии, соответствующем длине и толщине лошади, высотой около сажени и попарно связанных поверху перекладинами. В столбы врублены четыре прочных коротыша на высоте конского колена, подколенники, они стесаны по концам так, чтобы копыта удобно ложились как для кузнеца, так и для лошади. Мы привязывали накоротко повод узды к переднему вальку на уровне грудины, затыкали задний, чтобы лошадь не двигалась ни туда, ни сюда, пропускали ей под брюхом два ремня наподобие подпруг, цепляли с другой стороны за крючья продольного валька и железным воротом, вращая его, немного приподымали лошадь, чтобы лишить ее прочной связи с дощатым настилом станка. Затем просили у коня ногу, которую надо было подковать или перековать, брали пониже колена и слегка ударяли. Умница конь давал приподнять ногу, Лешка накидывал на нее петлю веревки, пристраивал на подколенник и хорошо, но не туго, привязывал. Тут я как подручный выносил из кузницы специальный столик со всем необходимым для ковки лошадей инструментом: продольным зубильцем, обсечкой для обсекания разбитых краев копыт, ложкообразной стамеской на длинной ручке для снятия наростов в середине копыта; легкий молоток, подковные гвозди, кусачки — пожалуй, все. Зачищая копыто, мы старались не задеть живое тело внутри него, чутко прислушивались к поведению лошади. Если лошадь забилась, заволновалась, значит, задет или близко нерв и дальше чистить нельзя. Прикинув размер копыта после зачистки и обсечки, Лешка находил в своих запасах подходящую подкову, нагревал ее несильно, прижигал к копыту с помощью клещей и молотка, чтобы нашла себе место. Охладив подкову, он садил ее на плоские подковные гвозди, предварительно выгибая их концы,

они должны были выйти из копыта в стороны не далеко и не близко от края. Не дай бог забить гвозди глубоко, лошадь будет хромать. Затем гвозди обкусывали кусачками, непременно с поворотом, иначе могут вылезть, загибали их и, наконец, зачищали края вокруг подков крупным рашпилем — еще один инструмент, упущенный мной. То же самое делали с передними копытами лошади, на передних подколенниках станка. Порядок, лошадь подкована.

Чаще всего мы пользовались старыми подковами больших размеров, подгоняли их по копыту, нагрев в горне, подгибали, отсекали лишнее, поправляли передний и задний шипы. У нас с Лешкой был также целый ящик новых подков с готовыми винтовыми шипами, армейские, как объяснил Лешка. Их тоже надо было подгонять, к тому же винтовые шипы при работе лошади отвинчивались и терялись. Мы делали так: передний шип заклепывали намертво, несколько сплющивая рабочую часть, задние убирали совсем, концы подковы загибали, формуя шипы по подобию самодельных. Ковать новые подковы у нас не было необходимости, но один раз Лешка показал мне, как это делается — довольно просто: берется подходящее полосовое железо, отрубается от него кусок длиной примерно около двух четвертей, нагревается и, начиная с середины, несколько зауживается в обе стороны, затем ему придается форма подковы, концы загибаются и приплюскиваются в продольном направлении — это задние шипы. Передний оттягивается из тела полосы, тоже загибается, но уже в поперечном направлении. Остается просечь зубилом с нижней стороны канавку под клинообразные шляпки гвоздей и пробить отверстия тоненьким плоским пробойником.

Грели мы с Лешкой заготовку раза три, хотя Лешка говорил, что настоящие мастера выковывают подкову за один нагрев.

Об авторе: ***Валерий Ефимович Нефедьев*** *родился в 1942 году в селе Новая Ида Боханского района Иркутской области. В 1965 году окончил художественно-графический факультет Красноярского пединститута. 11 лет проработал в школе учителем рисования и черчения. Работал художником-реставратором в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы», его рисунки не раз публиковались на страницах журнала «Тальцы». Член Союза писателей, автор книг «Посольская сторона» (1985), «Мурлыка Котовна и ее приключения в опустевшем доме» (1987), «Ледогон» (2004). В рассказах и повестях часто использовал этнографические материалы и впечатления от путешествий по рекам Сибири и озеру Байкал на построенных своими руками лодках и яхтах. Живет в Иркутске.*

ГОСУДАРСТВЕННОМУ МУЗЕЮ-ЗАПОВЕДНИКУ М.А. ШОЛОХОВА — 20 ЛЕТ

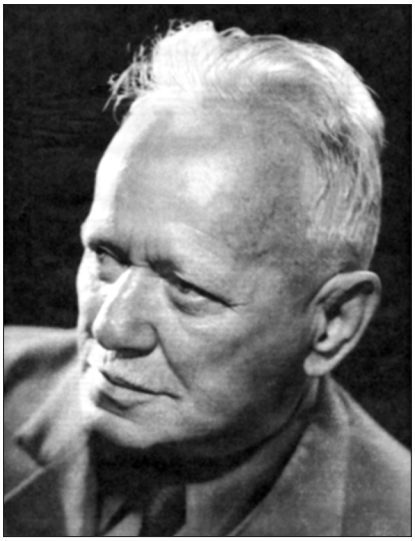
Людмила Петровна Разогреева,
заместитель директора
Государственного музея-заповедника
М.А. Шолохова по научной работе,
станица Вёшенская Ростовской области

Государственный музей-заповедник М.А. Шолохова создан на основании постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 302 от 6 апреля 1984 года, Совета Министров РСФСР № 306 от 11 июля 1984 года, а также Приказа Министерства культуры РСФСР № 462 от 3 августа 1984 года и совместного Решения исполнительного комитета Ростовского областного Совета народных депутатов и Коллегии Министерства культуры РСФСР № 592 от 12 декабря 1984 года. Это единственный в России музей великого русского писателя XX века, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата большинства премий в области литературы, в том числе и Нобелевской.

В коллекции музея-заповедника накануне его 20-летия было около 60 тысяч единиц хранения, из них более 31 тысячи — основного фонда. Ежегодные поступления — 2,5–3 тысячи единиц хранения. Музей включает десять основных структурно-планировочных зон, наиболее полно отражающих жизнь и творчество М.А. Шолохова на донской земле.

Из 26 входящих в него объектов 20 являются памятниками истории и культуры федерального значения. 13 памятников отреставрированы, открыты выставки и экспозиции, 7 памятников находятся на реставрации.

Определена система мемориальных объектов и памятных мест, связанных с жизнью и деятельностью М.А. Шолохова, установлены охранные зоны памятников на площади 126,6 гектара и зона регулирования застройки — 465,7 гектара, разработана их взаимосвязь с окружающей ландшафтно-заповедной зоной, площадь которой составляет 29 760 гектаров.



Михаил Александрович Шолохов (1905–1984)

Музей-заповедник — это стройная система экспозиций, выставок, памятных мест, воссоздающих полную картину жизни писателя.

Рассказ о писателе в музее-заповеднике обычно начинается с мемориального дома в хуторе Кружилинском, где М. Шолохов родился и жил с родителями с 1905 по 1910 год. Дом построен на рубеже XIX–XX веков. В состав усадьбы входят жилой дом, флигель-баня, амбар для зерна, сарай для хозяйственных нужд. Торговая лавка, где представлены товары, пользовавшиеся спросом в казачьих хуторах (ткани, пуговицы, печатные пряники, яркие платки, предметы домашнего обихода и т. д.), дает представление о роде занятий отца, который был выходцем из купеческой среды.

Рядом с мемориальным домом в настоящее время ведутся работы по воссозданию казачьего двора конца XIX – начала XX века, в котором будут воссозданы хозяйственные постройки, показаны орудия труда для земледелия и животноводства.

В 1986 году открыта мемориально-бытовая экспозиция дома-музея М.А. Шолохова в станице Каргинской, где он написал большинство «Донских рассказов». Основные задачи ее — передать дух времени 20-х годов прошлого столетия, воссоздать обстановку, в которой начиналось творчество писателя.

В 1989 году открыта экспозиция Каргинского приходского училища, в котором с 1912 по 1914 год учился М. Шолохов. Здесь представлены наглядные пособия, учебники, школьное оборудование того времени. Также в этом здании размещена выставка по истории станицы Каргинской. Цель ее — с помощью архивных документов, фотографий, предметов рассказать о населении, культуре, торговле, быте старинной казачьей станицы, что является очень важным для понимания исторической основы творчества М.А. Шолохова.

В станице Каргинской находится интереснейший комплекс

построек богатого казака Т.А. Каргина, имевшего знаменитую на всю округу мельницу. На основе восстановленных зданий мельничного комплекса планируется создание действующей пекарни для производства хлебной сувенирной продукции. Здание бывшего кинотеатра «Идеал» будет приспособлено под театрально-концертные цели.

Дом-музей М.А. Шолохова в станице Вёшенской

В станице Вёшенской сохранился и вошел в состав музея дом, в котором М.А. Шолохов жил в 1930-е годы, работал над третьей книгой «Тихого Дона», повествующей о Верхнедонском вооруженном восстании казаков в 1919 году. Из этого дома М.А. Шолохов писал письма И.В. Сталину о беззаконии и репрессиях, происходивших на Дону в 30-е годы, в этом доме он создал первую книгу «Поднятой целины».

Центральный объект музея-заповедника М.А. Шолохова — мемориальный дом-усадьба, где писатель с семьей жил с 1949 по 1984 год и где им написаны вторая книга «Поднятой целины», рассказ «Судьба человека» и главы романа «Они сражались за Родину». Дом-усадьба уникален тем, что все предметы, книги, картины, сувениры, мебель являются мемориальными.

Выставка «Нобелевский триумф» рассказывает о присуждении Шолохову Нобелевской премии в 1965 году.

В 2003 году в усадьбе была открыта выставка автомобилей М.А. Шолохова, которая вызывает большой интерес у посетителей.

Литературная экспозиция, открытая в 1985 году в здании бывшей гимназии, в настоящее время реконструируется. К 100-летию со дня рождения писателя она приобретет новый облик и будет называться «М.А. Шолохов. Время и судьба». Документы расскажут о донском казачестве начала XX века, об исторических событиях того времени, которые легли в основу творчества писателя.

У музея кроме литературного существуют и другие направления работы. М.А. Шолохов всю свою жизнь жил среди донских казаков, писал о них, заботился о сохранении казачьей культуры, казачьих традиций. В 1930-е годы им был создан первый на Дону (после Октябрьской революции) казачий хор, который выступал на сцене Большого театра, стараниями писателя-депутата был открыт в Старочеркасске (старинной казачьей столице) музей истории донского казачества, благодаря Шолохову в Вёшенской сохранилась и даже во времена «воинствующего атеизма» была действующей церковь Михаила Архангела XVII века. Поэтому

Дом-музей М.А. Шолохова в станице Вёшенской, в котором писатель жил с 1949 г. до дня смерти

Первый директор ГМЗШ Н.А. Булавин на могиле писателя

нельзя говорить о писателе, не рассказывая о самобытном казачьем крае. А для этого в музее-заповеднике одним из направлений комплектования фондов, научных разработок, экспозиционной и выставочной деятельности является тема казачества, его культуры и быта, труда и воинской службы. Тем более что станица Вёшенская расположена примерно на границе трех областей: Волгоградской, Воронежской и Ростовской, и в радиусе около 300 километров не существует другого достаточно крупного музея или заповедника, который бы мог хранить духовную и материальную культуру прошлого этого региона.

Природа верховьев Дона запечатлена в произведениях М.А. Шолохова, и до сих пор многие места узнаваемы. Удаленность от больших городов, от железной дороги (143 км), отсутствие крупных промышленных предприятий послужили тому, что территория музея-заповедника — экологически чистое место. За последние несколько десятилетий природа здесь понесла значительно меньше потерь, чем в других регионах России. В водопроводных трубах станицы по-прежнему течет чистейшая родниковая вода из подземного озера, открыт ряд целебных источников, на базе которых создан санаторий

На фольклорном празднике «Шолоховская весна»

«Вёшенский». Степная станица Вёшенская с трех сторон окружена сосновым бором, в котором растут практически все виды съедобных грибов.

Основным предназначением природоохранной зоны является создание музея под открытым небом, в котором экспозициями и экспонатами стали бы хутора и станицы, сама природа донского края.

Природа этих мест разнообразна и богата. Здесь выделен ряд ботанических памятников природы. «Вёшенский дуб» — главная достопримечательность ландшафтно-заповедной зоны. Эталонный участок ковыльно-чабрецово-типчаковой степи сохранился в урочище Паники, названном так за «поникание» небольших речек, русла которых теряются в песке и не доходят до Дона. Уникален Антиповский бор площадью 110 гектаров — одно из самых старых насаждений сосны на Дону.

Изучение природы музея-заповедника позволило выявить около 1 500 видов и вариаций растений, 269 — грибов, более 2700 — животных. Выявлено значительное число видов, включенных в Красные книги Российской Федерации и Ростовской области.

Главной задачей научных исследований является сохранение уникальной исторической, культурной и природной территории.

В последние годы в музее-заповеднике к природоохранным мероприятиям привлекаются дети и молодежь, таким образом сформировалось экологическое движение «Шолоховский родник».

Занимаясь изучением истории казачества, территории музея-заповедника, сотрудники заинтересовались далеким прошлым края. Здесь в разное время находили арабские серебряные и золотые монеты, старинные кольчуги, некоторые находки были датированы первым тысячелетием до нашей эры.

Сейчас на территории музея-заповедника обозначено 256 памятников археологии, поставленных на государственную охрану, которые также требуют глубокого исследования.

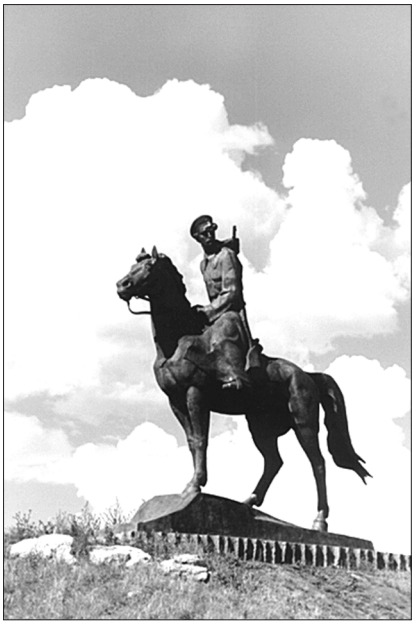
За 20 лет существования музея-заповедника проведена большая работа по реставрации памятников истории и культуры. Ведутся восстановительные и охранные работы.

М.А. Шолохов на донской земле стал свидетелем многих исторических событий: Октябрьской революции 1917 года, жесточайшей гражданской войны на Дону, коллективизации и раскулачивания, Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Все это отражено в его книгах и в экспозициях музея. К Шолохову в станицу Вёшенскую приезжали многие деятели литературы, искусства, выдающиеся люди: писатели и поэты А. Серафимович, В. Шукшин, Ю. Бондарев, Е. Евтушенко, В. Белов, Чарльз Сноу, Мартти Ларни, космонавты Ю. Гагарин, Н. Рукавишников, руководитель нашего государства Н. Хрущев, актеры С. Бондарчук, В. Тихонов, Ю. Никулин, Л. Хитяева, П. Глебов и др. Множество подарков, книг с автографами знаменитых людей России хранит музей-заповедник.

За 20-летний срок существования музей-заповедник приобрел известность не только у нас в России, но и за рубежом. Регулярно проводятся международные научно-теоретические конференции по творчеству М.А. Шолохова — Шолоховские чтения. Музей поддерживает творческие связи с зарубежными исследователями и издателями М.А. Шолохова (в США, Англии, Югославии, Китае и других странах), налажены связи с казачьими общинами за рубежом (Болгария, Канада, США).

На территории музея-заповедника снято несколько документальных и два художественных фильма по произведениям М.А. Шолохова, в съемках которых участвовали сотрудники музея в качестве консультантов.

Музей-заповедник подготовил несколько передвижных



Памятный знак «Казакам Тихого Дона»

выставок, которые с успехом экспонировались в Москве, Пензе, Оренбурге, Саратове и других городах Российской Федерации.

Наиболее ценными в музейной коллекции являются мемориальные предметы, принадлежавшие писателю и его семье, библиотека и рукописный фонд М.А. Шолохова, книги писателя на языках народов мира, коллекция подлинных работ художников–иллюстраторов произведений М.А. Шолохова (925 единиц хранения), коллекция первых изданий его произведений (газетные, журнальные, книжные варианты). Большая коллекция документов, предметов, связанная с историей казачества в конце XIX – начале XX века, в годы революции, Гражданской войны и коллективизации, также представляет значительную ценность и интерес, как для посетителя, так и для исследователя.

Большим и ярким событием в культурной жизни страны стал ежегодный Всероссийский литературно-фольклорный праздник «Шолоховская весна», который проводится в конце мая и приурочен ко дню рождения писателя. В течение трех дней свое мастерство показывают сотни самодеятельных и профессиональных коллективов, от 50 до 70 тысяч зрителей собирает ежегодно «Шолоховская весна». Звучат шолоховские строки, разыгрываются сцены из спектаклей по его произведениям. На центральных улицах станицы — выставки-продажи изделий декоративно-прикладного искусства районов Ростовской и соседних областей. На нескольких сценических площадках свое мастерство показывают актеры, танцоры и песенники. Героиня фольклорного праздника — народная казачья песня, которая все дни льется над Доном, как бы соединяя далекое прошлое и настоящее.

Бережно хранят народные традиции края в музее-заповед-

Лебяжинский крутояр

нике. Для этого в первые годы его существования была создана фольклорная группа «Зарница». В ее репертуаре любимые М.А. Шолоховым казачьи песни, песни из романа «Тихий Дон». «Зарница» выступала на многих сценах в Российской Федерации и за рубежом, стала лауреатом самых престижных конкурсов, в 2004 году в Великом Новгороде на конкурсе фольклорных ансамблей «Традиции» вошла в число восьми лучших фольклорных коллективов России.

За 20 лет был создан музей-заповедник особого типа, включающий в себя комплекс памятников истории и архитектуры, мемориальных зданий, уникальных природных территорий, музейных экспозиций, коллекций, отражающих не только жизнь и творчество М.А. Шолохова, но гораздо более широкую тематику.

В настоящее время вся работа коллектива музея-заповедника сосредоточена на подготовке к 100-летию со дня рождения писателя, которое будет отмечаться в мае 2005 года. Указ президента Российской Федерации № 9 от 11 января 2005 года «О праздновании 100-летия со дня рождения М.А. Шолохова» еще больше мобилизовал музейщиков для активной работы.

Быстрыми темпами ведется реставрация и реконструкция

Лазоревая степь

зданий, создаются новые экспозиции и выставки, разрабатываются экскурсионные маршруты, проводится большая природоохранная работа, укрепляется материально-техническая база музея-заповедника, активно осуществляется музейно-педагогическая деятельность, направленная на воспитание подрастающего поколения. В станице Вёшенской для работы с детьми создан комплекс построек с соответствующим оборудованием, чтобы дети смогли приобретать новые знания. В музее возрождаются гончарное производство, лозоплетение и навыки этих традиционных на Верхнем Дону промыслов передаются детям.

В последние годы осознание обществом необходимости сохранения духовных ценностей, исторически сложившейся культуры (казачества в том числе), природоохранных мероприятий, не угасающий, а усиливающийся у нас в стране и за рубежом интерес к Шолохову и его произведениям как достоверным свидетельствам истории России в XX веке позволяют надеяться на то, что постоянно будет возрастать общественная значимость деятельности музея-заповедника М.А. Шолохова.

ЯСАЧНОЕ ЗИМОВЬЕ — НОВЫЙ ЭКСПОЗИЦИОННЫЙ ОБЪЕКТ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТОМСКАЯ ПИСАНИЦА»

Ирина Викторовна Киселёва,
старший научный сотрудник
музея-заповедника
«Томская Писаница»,
г. Кемерово

В историко-культурном и природном музее-заповеднике «Томская Писаница» в 2005 году планируется открытие первого музейного объекта в составе нового комплекса «Русское сибирское село». Им станет ясачное зимовье, воссозданное на прилегающей к музею территории в деревне Писаная. Фактически с этого начинается реализация в Кузбассе большого музейного проекта «Русское сибирское село», который получил высокую оценку и был отмечен грантом президента РФ в 2001 году как «имеющий общенациональное значение». Такой проект был не случайно разработан сотрудниками музея-заповедника. Приступая к его разработке, а сейчас и реализации, мы учитывали целый ряд обстоятельств. «Томская Писаница» — музей комплексного показа — включает разные по своему характеру музейные зоны. Здесь уже сейчас функционирует десять отдельных музейных комплексов. Новый комплекс будет создаваться в примузейной зоне, на территории деревни Усть-Писаная, основанной в Притомье в середине XVII века.

Причиной создания такого комплекса является то, что Кузбасс по сравнению с другими сибирскими регионами — зона гипертрофированного промышленного развития с нарушенной традиционной народной культурной средой. Поэтому современному обществу нужен музейный центр сохранения памятников традиционной русской сибирской архитектуры. Музеефикация объектов традиционной культуры быта, хозяйственного уклада, христианской культуры сохраняет зримую память о событиях и этапах русского освоения края.

При создании нового музейного комплекса мы исходим также из того, что русское освоение современной террито-

Ясачное зимовье в музее-заповеднике «Томская Писаница». Фото И. Киселёвой, 2004 г.

рии Кузбасса началось в XVII веке с Притомья. В 1604 году возник город Томск, первоначально как крепость на Томи, а несколькими годами позже, в 1617-м, русскими служилыми людьми была выстроена крепость в верховьях Томи, в устье Кондомы. Так возник Кузнецк.

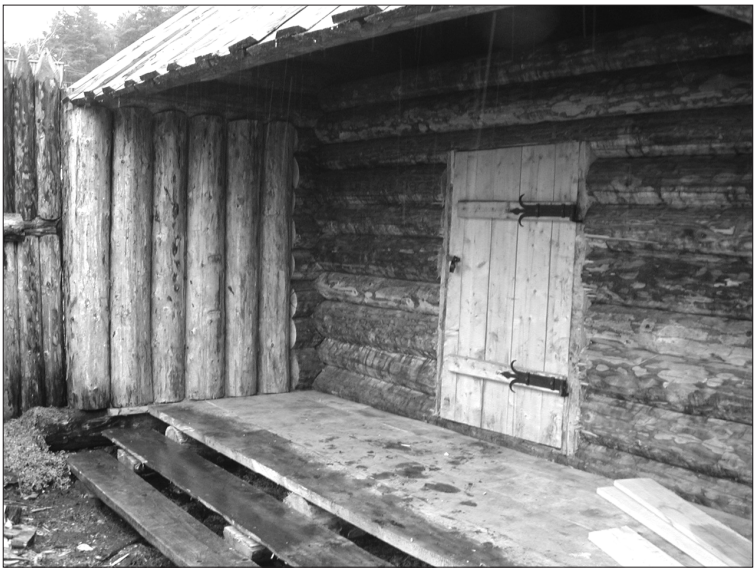
В разные годы XVII века появились небольшие деревянные крепости-остроги по Томи, между Томском и Кузнецком: Усть-Сосновский на границе современных Томской и Кемеровской областей, Мунгатский у райцентра Крапивино на левом берегу Томи, а на правом берегу был основан Верхотомский острог около нынешнего города Кемерово. Это были небольшие деревянные крепости, в которых жили служилые люди. В середине XVII века по берегам Томи начали образовываться крестьянские поселения землепроходцев, в большинстве своем принадлежавшие томскому Алексеевскому монастырю.

Задача музейных работников состоит в том, чтобы с помощью комплекса «Русское сибирское село» показать посетителям культурно-исторические особенности периода первоначального освоения Сибири. Исторически правильно такой комплекс связать с музеем-заповедником «Томская Писаница» еще и потому, что он будет создаваться на базе

исторической деревни Усть-Писаная, возникшей около писаных скал в XVII веке.

Основная сложность решения поставленной задачи в том, что нигде в Притомье и Приобье не сохранились подлинные деревянные строения времени первоначального освоения Сибири. Раскопки, проведенные Г.С. Мартыновой в конце 1950-х годов на территории Верхотомского поселения, дали лишь общие представления о планировке строений (благодаря сохранившимся остаткам нижних венцов бревенчатых построек), в той мере как позволяют археологические раскопки. Учитывая это, музейный объект — строение XVII века — может быть только новоделом. Основным источником могут служить в данном случае лишь материалы, собранные в ходе археологических исследований в европейской части России, откуда шло переселение, и изучение наиболее древних сибирских строений. Значительно больше материалов о сибирских городах и постройках того времени содержится в книгах ряда исследователей (1–5).

На основании изучения монографий, статей и архивных материалов музеем-заповедником «Томская Писаница» были



Амбар во дворе ясачного зимовья.
Фото И. Киселёвой, 2004 г.

Глинобитная печь в жилой башне.
Фото И. Киселёвой, 2004 г.

разработаны концепция музейного объекта первопоселенцев в виде ясачного зимовья в Притомье, а также план строений и в целом тематико-экспозиционный план.

Наша экспозиция «Укрепленное зимовье» представляет собой участок, огороженный тыновой стеной. Во дворе располагаются два основных строения — жилая башня и амбар. Они вписываются в стены ограды.

Жилая башня представляет собой срубную двухэтажную постройку — новодел. Высота сруба — 26 венцов, длина — 4 метра, ширина — тоже 4 метра. Рубка «в обло» с остатком. Пол устроен со второго венца, в 18-м венце врублено перекрытие, отделяющее второй этаж. Верхний сруб (второй этаж) располагается на консольных выпусках бревен стен первого этажа. В плане второй этаж больше нижнего, отчего между стенами первого и второго этажа образуется щель, которая служила для обороны башни. Первый этаж представляет собой жилое помещение, отапливаемое печью по-черному. Пол и стены не окрашены. Полотнище двери крепится на «пальцах». Вдоль стены врублена лавка. На стенах — оружие, предметы быта. Во двор выходят два

окна: одно смотровое, второе дымовое, через которое вытягивался дым.

Верхний этаж нежилой, предназначенный для хранения военной амуниции и припасов, а в случае нападения — для защиты подступов к зимовью.

Крыша четырехскатная, тесовая. Основанием крыши служат два параллельных бревна, врубленных в середины двух противоположных стен сруба. В эти бревна упирается вертикальное бревно, которое поддерживает стропила. Четыре стропила от четырех углов сруба сходятся к вертикальному бревну и крепятся на нем. Каждая пара стропил соединена тремя слегами, врубленными заподлицо.

Амбар представляет собой срубную постройку — пятистенок, расположенный напротив жилой башни. Рублен «в обло» с остатком. Ширина — 3 метра, длина — 8 метров. Тыльная стена амбара вписывается в крепостную ограду. Пол врублен во втором венце. Крыша самцовая, на курицах, тесовая. Дверное полотнище на «пальцах». В стенах вырублены три бойницы. Помещение неотапливаемое, но утепленное. В амбаре хранились съестные припасы, ясак, пушнина, орудия охоты, труда и др.

Усадьбу ограждают тыновые стены: вертикально врытые в землю бревна с заостренными сверху концами. Бревна на метр врыты в землю. Их высота от поверхности земли — три метра. С внутренней стороны бревна скреплены горизонтальной переводиной, врубленной в паз каждого бревна. Через каждые десять бревен прорублена вертикальная бойница. Ворота двустворчатые, их высота — 2,5 метра, общая ширина — 2,5 метра. Верх ворот полуциркульный. Полотнища из плах, скреплены двумя поперечными брусьями. Ворота открываются вовнутрь. К столбам полотнища прикреплены коваными петлями. Ворота запираются с помощью горизонтального бруса, вставляющегося в железные скобы, вбитые в столбы и полотнища.

Первое, что видит посетитель, приходя на экспозицию, это двор с навесом, настилом, лавочкой, поленницей дров и разной утварью: санями-розвальнями, бочками для воды.

На первом этаже жилой башни посетитель сначала видит двух казаков-годовальщиков, один из которых сидит за столом, а другой стоит рядом, оба одеты в стиле XVII века. Слева от входной двери находится глиняная печь на подклети, здесь же предметы обстановки: стол, лавки, ларь для еды, деньги и т. д., и предметы обихода: деревянные ложки, кувшин, миски, рукомойник, помело, ковш и т. п. Поднявшись по лестнице,

посетитель попадает на второй этаж, предназначенный для хранения военной амуниции и припасов. Стены второго этажа используются под экспозицию. На стенах экспонируются рисунки и дается краткое описание сибирских острогов, чтобы посетители могли проследить, как шло завоевание Сибири и что представляли собой оборонительные и жилые постройки того времени.

Амбар разделяется на две части. Одна часть амбара предназначена для хранения пищевых продуктов, то есть там находились бочки с квашеной капустой, солеными огурцами, ларь для муки и т. п. Другую часть амбара занимают отсеки под рожь, пшеницу, орудия труда и иной инвентарь.

С открытием первого музейного объекта «Ясачное зимовье», входящего в состав комплекса «Русское сибирское село», в музее-заповеднике «Томская Писаница» начнется реализация проекта, который будет иметь социальное значение для Кузбасса и западносибирского региона в плане развития музейно-туристического бизнеса. Благодаря этому объекту мы постараемся донести весь антураж XVII века до современного населения. Наши посетители смогут наглядно видеть быт людей, живших в ту эпоху.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ащепков Е.А. Русское народное зодчество Западной Сибири. — М., 1950.

2. Древняя Русь: Город, замок, село. — М., 1985. (Археология СССР: Свод археологических источников.)

3. Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. — М., 1978.

4. Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. — М., 1988.

5. Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. — Новосибирск, 1989.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ В РОССИИ ЗИМОЙ

Владимир Викторович Тихонов,
кандидат культурологии, директор
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»,
г. Иркутск

Интенсивный рост количества этнографических музеев под открытым небом в последнее столетие, несмотря на уже сложившиеся стереотипы, продолжает ставить массу вопросов как относительно методики их формирования, так и эксплуатации. Значительная часть этнографических музеев под открытым небом сосредоточена в странах, где продолжительный зимний — холодный — сезон. Российские этнографические музеи под открытым небом как раз попадают в эту категорию.

Несмотря на то что этнографические музеи под открытым небом нашей страны в более чем четырехтысячном мировом сообществе музеев данного типа занимают скромную нишу, их всего 17, тем не менее опыт их развития довольно поучителен и своеобразен.

Большинство центральноевропейских и североевропейских музеев под открытым небом рассчитаны на сезонность турпотока, и поэтому при формировании они ориентировались на сезонную — летнюю работу, в основном с мая по октябрь. Российские этнографические музеи под открытым небом также в большинстве при своем создании по аналогии брали в работе ориентиры на сезонность. Частично это было связано с невозможностью организации значительного числа туристов в зимнее время из-за территориальной оторванности от основных коммуникаций и центров формирования турпотока в зимнее время, как, например, в музее «Кижи», расположенном на острове, или в Черкехском музее в Саха-Якутии, разместившемся в 200 километрах от главного поставщика туристов — города Якутска. В какой-то мере на сезонность формируемых музеев оказали влияние европейские стереотипы. Однако основной причиной сезонности большинства этнографических музейных

комплексов под открытым небом, думается, следует считать экономический фактор: стремление сэкономить на зимней инфраструктуре за счет энергосбережения и сокращения расходов на обслуживающем персонале. Если говорить о нашей стране, то просматривается еще один аспект, опять же экономический, когда удешевление происходит за счет более дешевой сборки памятников в виде архитектурных макетов в противовес постоянной сборке.

В России первый эксперимент по созданию нормально всесезонно функционирующего музея был осуществлен в 1970 году в Шушенском. Все объекты этого музея (29 зданий) — отапливаемые. Дорожная и противопожарная инфраструктура в круглогодичном исполнении. Понятно, что на столь политически значимый для страны объект в год 100-летия со дня рождения В.И. Ленина она средств не жалела. К его созданию привлекли не только нужное количество денег, но и лучших специалистов России в области музейного дела. Облегчало решение задачи и расположение музея в черте населенного пункта, где с меньшими затратами и проблемами можно было решить вопросы энергоснабжения, пожарной безопасности, а также обеспечения музея квалифицированными трудоресурсами, не требующими специальной организации по их доставке из других мест.

Сейчас в стране только два этнографических музейных комплекса под открытым небом — в Шушенском и Коломенском (в центре Москвы) — могут беспроблемно функционировать круглогодично. Для остальных подобных музеев этот вопрос актуален, особенно в связи с возрождением после экономического хаоса конца XX века туристической активности населения.

Думается, что строительство практически всех этнографических музеев под открытым небом России в виде архитектурных макетов, внутренние объемы которых оказались непригодными к показу в них экспонатов, прежде всего раритетных, не только в зимнее время, но даже и в летний сезон, связано еще и с тем, что формирование общей концепции этнографического музейного комплекса под открытым небом у нас на долгие годы было делегировано не профессионалам-музейщикам, а «чистым» архитекторам, для которых главным было сохранение самого памятника как элемента деревянного зодчества. Экспозиционные вопросы являлись для них второстепенными. К сожалению, до сих пор не наступило полного понимания того, что этнографические музеи под открытым небом отражают не только какие-либо элементы материальной культуры в виде отдельных уникальных образцов древнего зодчества. Музейные комплексы этого направления должны на основе всестороннего историко-культурного зонирования музеефицируемой террито-

рии, проводимого учеными-этнографами, фрагментарно отражать в своих экспозициях всю материальную составляющую этих историко-культурных зон. Архитектор воплощает экспозиционный замысел этнографа в генплане или плане детальной планировки экспозиции в зависимости от отведенной под нее территории. Здесь уже присутствует не только по большей части уникальная архитектура, но и фрагментарно отражается весь хозяйственно-бытовой уклад с наиболее возможным спектром всего деревянного зодчества, максимально характеризующим отражаемое историко-культурное явление. На этом этапе также велика роль музейщика-экспозиционера, заключающаяся в формировании задач для архитекторов по созданию всей инфраструктуры для работы в зимнее время и беспроблемного круглогодичного функционирования экспозиций.

В последние годы работа многих этнографических музеев под открытым небом в России показала, что у них есть перспектива. Поток иностранных туристов зимой в них будет увеличиваться в связи с мировой тенденцией увеличения объемов туристического бизнеса. Однако помимо иностранных туристов есть еще свои, местные. Сегодня они составляют во многих этнографических музеях под открытым небом (хотя есть и единичные исключения) большую часть турпотока. Для его увеличения главное — с помощью рекламы, новых экспозиций, организации инфраструктуры доставки туристов в музеи, а также организации нормативной работы в зимнее время экспедиционной инфраструктуры вызвать желание местного населения посещать музей не только в целях познания, но и как элемент активного отдыха.

Опыт последних лет работы Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» свидетельствует о том, что при создании в музее достаточной зимней инфраструктуры обслуживания посетителей зимний турпоток может превысить летний. Несмотря на то что опыт зимней работы в музее невелик, с 1999 года, а большинство экспозиций выполнено в летнем, неотапливаемом варианте, зимний турпоток в музее в 2004 году составил 56,6 % годового.

Увеличению зимнего турпотока способствуют как объективные, так и субъективные факторы. К объективным факторам можно отнести некомфортность проведения отдыха на природе в связи с обилием снега и холодом. Любителей зимнего отдыха у замерзшей реки, в снежном лесу в общей массе населения не так уж и много. Следующим объективным фактором, специфическим для России, который способствует увеличению турпотока в музей зимой, конечно, является то, что летом значительное время у потенциального туриста отнимает дача. Еще один объективный фактор в рассматриваемом плане — бе-

зопасность отдыха в музее в отличие от отдыха в удаленных от населенных пунктов местах. Российской спецификой, способствующей увеличению турпотока в зимнее время в музеи под открытым небом, является неразвитость по сравнению с европейскими странами инфраструктуры досуга в городах и населенных пунктах, а также низкий уровень материального достатка основной массы населения, не позволяющий проводить часть свободного времени в дорогих, по российским меркам, развлекательных заведениях.

К субъективным факторам, влияющим на зимний турпоток, в первую очередь можно отнести наличие или отсутствие в музее зимней инфраструктуры приема туристов и рекламной раскрученности музея как зимнего бренда. Немаловажное значение имеет система доставки туристов, у которых нет собственных автомашин. Под зимней инфраструктурой приема в музей туристов подразумеваются помещения в теплом исполнении, где можно погреться, классические экспозиции и выставочные залы, работающие зимой, промысловые экспозиции, также расположенные в теплых помещениях, пункты питания (трактиры, кафе, рестораны и т. д.). Это и достаточный объем традиционных народных развлечений (горки, ходули, санный извоз, катание верхом на лошадях и верблюдах, качели, бревна для «петушиных боев», канаты для перетягивания, зимние карусели, иные зимние забавы), наличие фольклорных и театрализованных групп и, в зависимости от территориального, погодного и других факторов, иные формы активного досуга и зимняя вспомогательная инфраструктура, способствующие полноценной загрузке времени пребывания туриста в музее с ориентированием на зимние условия.

При организации зимнего сезона, конечно, необходима скрупулезная проработка всех видов обслуживания турпотока, в особенности на предмет техники безопасности. Материальный и имиджевый ущерб от несчастного случая при использовании в зимней практике экстремальных развлечений (катание на лошадях, горках, каруселях и т. д.) может быть настолько велик, что резко снизит поток туристов в музей, а следовательно, его реальные доходы. Это станет особенно ощутимо тогда, когда музеи перейдут с полного бюджетного финансирования на самостоятельную деятельность, в частности в варианте автономного учреждения.

В музей «Тальцы» как в методический центр очень часто поступают просьбы дать анализ тех или иных действий по организации турпотока. Одним из таких вопросов является выяснение степени влияния на турпоток договорных отношений с турфирмами. Как показывает опыт работы музея «Тальцы», наличие договорных отношений с турфирмами совершенно не оказывает влияния на

объемы турпотока. Турфирмы заранее планируют объем туристов, в том числе и в музеи. Будет с ними заключен договор или нет, запланированный объем туристов все равно привезут в музей, так как программа пребывания туриста утверждена заранее. Договоры с турфирмами есть смысл заключать, пожалуй, только в нескольких случаях. Это обосновано, если расчеты с турфирмами идут по безналичному перечислению через эрзацные платежные обязательства в виде ваучеров или подтверждений. Здесь договор служит основанием для взыскания средств с клиента за произведенное обслуживание. Обосновано также иметь договор, когда вы делаете для турфирмы льготные скидки как постоянному клиенту или в целях привлечения в музей туристов данной фирмы. Хотя не везде административные структуры идут на узаконивание данной скидки. Ведь это отклонение от утвержденных тарифов, и здесь должна быть подведена солидная нормативная основа. Возможен и еще один вариант, при котором следует заключать договоры с турфирмами: когда при подготовке к приему туристов какой-либо турфирмы вы уже заранее несете затраты (дополнительная доставка экскурсоводов из-за большого единовременного объема туристов, поставляемого данной фирмой, привлечение фольклорных ансамблей, проведение иных финансово затратных мероприятий) — для компенсации понесенных затрат в случае аннулирования заказа на обслуживание по вине турфирмы. В остальных случаях, как показывает опыт, договоры являются ненужной бумагой.

Таким образом, практически все музеи России в той или иной степени имеют перспективу работы в зимний турсезон. С увеличением благосостояния жителей страны и объемов иностранного туризма как объективного процесса будет возрастать объем зимнего турпотока в российские этнографические музеи под открытым небом.

Однако для стимулирования зимнего туризма необходимы и адекватные превентивные действия как музейных администраторов, так и проектировщиков при формировании всей инфраструктуры этнографических музеев под открытым небом: и их экспозиций, и, в особенности с учетом зимних условий, вспомогательной инфраструктуры.

ЛИТЕРАТУРА

Тихонов В.В. Анализ методической базы музеев под открытым небом России. — Иркутск, 2003.

Тихонов В.В. Перспективы работы Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» в зимнее время // Словцовские чтения - 2000. — Тюмень, 2000.

19 июня 2004 г. Плюсский район, Псковская область, Россия. В Музее-усадьбе Н.А. Римского-Корсакова, филиале Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, прошел День памяти великого русского композитора, посвященный 160-летию со дня его рождения. Со времени ремонта и реконструкции усадеб Вечаша и Любенск в 1995 году проведение Дней памяти Н.А. Римского-Корсакова стало традиционным мероприятием музея-усадьбы, которое неизменно привлекает множество гостей.

В концертном зале усадьбы Вечаша состоялся концерт из произведений Н.А. Римского-Корсакова, других русских и зарубежных композиторов в исполнении учащихся и преподавателей детской музыкальной школы № 1 имени Н.А. Римского-Корсакова г. Пскова, ансамбля преподавателей детской музыкальной школы имени Н.А. Римского-Корсакова г. Луги «Барокко» и оркестра русских народных инструментов г. Луги.

По окончании концерта состоялась научная конференция «Образы природы и обрядовая культура в творчестве Н.А. Римского-Корсакова», в которой приняли участие преподаватели Санкт-Петербургской государственной консерватории Л.А. Скафтымова (доктор искусствоведения, профессор), И.С. Попова (кандидат искусствоведения, доцент), И.Б. Теплова (кандидат искусствоведения, доцент), профессор Санкт-Петербургской государственной театральной академии Л.Г. Барсова (доктор искусствоведения), преподаватель детской школы искусств г. Тихвина М.Д. Штерн (кандидат искусствоведения), преподаватель средней школы г. Плюса Г.М. Масловская, старший научный сотрудник Музея-усадьбы Н.А. Римского-Корсакова В.М. Васильева. Представленная вниманию научной общественности конференция была третья по счету (Санкт-Петербург, Тихвин) в этом юбилейном году.

С приветственным словом к собравшимся обратилась Татьяна Владимировна Римская-Корсакова — внучка композитора, кандидат архитектуры, почетная гостья праздника и участница конференции.

В программу Дня памяти входили бесплатные экскурсии по усадьбам Любенск и Вечаша — летним дачам композитора, где были написаны оперы «Садко», «Ночь перед Рождеством», «Сказка о царе Салтане», «Царская невеста», «Золотой петушок», «Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии».

3–5 сентября 2004 г. Киев, Украина. Международная научная конференция «На страже украинской народной культуры», посвященная 190-летию со дня рождения Т.Г. Шевченко. Во время работы конференции обсуждались вопросы по следующим направлениям: Т.Г. Шевченко и народная культура, духовные основы народной культуры, проблемы сохранения аутентичности памятников народной культуры в музеях, опыт сохранения и реставрации музейных коллекций, роль музеев в развитии и популяризации аутентичных форм фольклора и народного искусства, каталогизация и компьютеризация музейных коллекций, результаты поисковой и научно-исследовательской работы музеев.

19–20 октября 2004 г. Омск, Россия. Всероссийская научно-практическая конференция «Искусство народов Сибири: прошлое, настоящее, будущее». Доклады участников конференции были распределены по следующим секциям: «Искусство древнего и средневекового населения Сибири», «Народное искусство и этническая история. Проблемы преемственности традиций», «Традиционный костюм народов Сибири», «Проблемы современного состояния народного искусства в Сибири», «Коллекции искусства народов Сибири в музейных собраниях».

15–20 ноября 2004 г. Тюмень, Россия. XVI Всероссийская научно-практическая краеведческая конференция «Словцовские чтения», посвященная 60-летию области, 125-летию Тюменского областного краеведческого музея и 160-летию со дня рождения основателя музея И.Я. Словцова. Во время конференции работали секции: «История края», «Археология и этнология», «История культуры региона», «Природа края» и «Музееведение». Одновременно на базе музея проходила работа Сибирского филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев при Министерстве культуры и массовых коммуникаций РФ по теме «Новые подходы к научному и художественному проектированию музейных экспозиций и выставок». Участие в конференции и заседании Научного совета приняли представители из 54 городов и населенных пунктов России.

Гостеприимное Прибайкалье. — Иркутск: ООО «Время странствий», 2004. — 200 с.

Этот альбом — рассказ о земле перед Байкалом, о Восточной Сибири, об Иркутской губернии, которая издавна привлекала и привлекает и наших соотечественников, и иностранцев. Привлекает своей необыкновенной историей, широкой и многогранной культурой, особенным характером сибиряков, их открытостью и дружелюбием, удивительной природой и, конечно, поражающим воображение «священным морем» — Байкалом. Откройте альбом, и вы все это увидите. А кто однажды увидел, прикоснулся к Прибайкалью, тот непременно вернется к нему снова и снова...

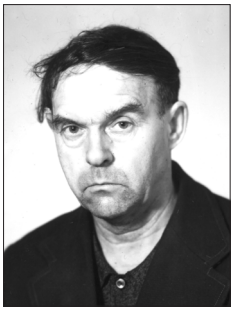
Ленские частушки / Сост. Ю. Лыхин. — Иркутск, 2004. — 103 с.

Частушка — один из популярнейших жанров народного творчества. Нет, пожалуй, такого человека, который не слышал бы эти коротенькие, обычно веселые песенки. Сегодня, как и раньше, частушки — живое, любимое многими явление. В издании представлены частушки, певшиеся и поющиеся в Киренском районе Иркутской области.

Шаманский костюм / Автор-сост. О.А. Чернявская. — Иркутск: ООО Артиздат, 2004. — 80 с.

Альбом-каталог рассказывает о коллекции костюмов и предметов шаманского культа, хранящихся в собрании Иркутского областного краеведческого музея. В коллекцию, формирование которой началось в конце XIX века, входит 17 костюмов народов Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока: тунгусов, якутов, юкагиров, тофов, сойотов, монголов и др. Помимо костюмов в каталоге описаны также онгоны и культовые принадлежности, необходимые шаману во время обрядов: бубны и колотушки, короны, трости и другие предметы. Каталог прекрасно иллюстрирован.

В КЕДРАЧЕ*



Василий Гинкулов (Шелехов)

<...> По южному склону Камчадала, по бесснежью и мелколесью, по осыпям мы, можно сказать, бегом сбежали, а в распадке лежал снег. Вначале он не сдерживал заметно нашего продвижения, но на северной покоти соседней горы чем круче склон, тем глубже становился снег. Чтобы не набрать в сапоги снегу, пришлось штанины выпустить поверх голенищ. Всюду пригоршнями каштанов помет изюбров, кучками горошин — кабарожий, червеобразный — глухариный. С ветки упавшего прошлой осенью кедра соболятами из гнезда выглядывает озимь — три шишечки величиной с голубиное яйцо. Кедры здесь из-за ветров и холодов растут не столько вверх, сколько вширь и похожи на стога очень зеленого сена. Под одним валяется обломленная макушка: мишкина работа. Местами снег действительно по пояс. Он тяжелый, сыпучий, крупинчатый. Сели отдохнуть на валежину. Петька свистит в пустую гильзу. У него отцово ружье «Зауэр» 16-го калибра. К нам по сугробу, смешно горбатясь, бежит бурундук. Метрах в трех остановился, шарахнулся назад. Петька говорит, что ему удавалось заманивать бурундука себе на колено. Врет, наверное, как все охотники.

Подъем кончается, проталины все просторнее. Снег кое-где забрызган ягодами рябины. Много брусники, на иной кочке красно. Лакомимся. Брусника сейчас необычайно вкусна, нежна, сладко-кислый простуженный сок течет по пальцам и губам. Черника же высохла, выветрела на нет. Подбираем кедровые шишки, грызем орехи.

Сдобные ядра в золотистой пленке напоминают о сытной кедровой сбоине и чудеснейшем ореховом масле, изготовлявшемся у нас дома в давние годы: после ужина мать ставит на стол большую миску распаренных орехов, всей семьей

---

* Печатается по книге: Шелехов В. Живи, тайга. — Иркутск, 1999. — Т. 1. — 308 с.

рассаживаемся вокруг и с азартом, наперегонки принимаемся щелкать, тут не слукавишь, не полакомишься. От лузги бьет густой дух мохнатого заматерелого кедрача, а от ядрышек тянет нежным ароматом таежного растительного молока. Вытопленное в вольном жару русской печи кедровое масло употреблялось для праздничной стряпни, а рассыпчатую толченую сбоину поедали как самое изысканное лакомство.

<…> Южная сторона хребта была пологая и, видимо, очень широкая, все выше деревья, все ядреней и завиднее кедровый бор, молодой, промысловый, где-то столетнего возраста; с двухсотлетним-то или трехсотлетним кедрачом, так называемым дубняком, не поспоришь, никаким колотом не проймешь: шишек сидит на вершине и ветвях черным-черно, целый мешок на одном дереве, лупишь — а с него только отжившие желтые иголки сыплются. Снегу не было. Шишки попадались редко. Солнце садилось, холодало.

— Не заблудились ли мы, Петя? Где твое зимовье-то?

— Где тут блудить? Здесь мы с батей прошлой осенью шесть кулей чистого ореха взяли. Вот колот, видите, возможно, даже наш. Знакомые места, знакомые, я вам говорю.

Бор без валежника, без подлеска, чисто кедровый бор, шишкарям много ходить не надо, знай колоти, с каждого дерева шишка посыплется-повалится, стаей белок на тебя с вершины ринется, «ток-ток-ток-ток-ток» по стволу гулко выговаривая; колотушку можно и не сбагривать с верхотуры, где она колоколом гудит, не опускать на плечо для перетаски, лишь передвинь на каких-нибудь два-три метра черень — и снова бей в звонкую грудь очередного хвойного исполина, только вверх без нужды не засматривайся, не то получишь волдырь-синяк на лбу.

Завлекателен до азарта, до страсти кедровый промысел, но немыслим без крепких рук и недюжинного здоровья. Из Чернова в августе, задолго до шишкобоя, приезжают партиями тамошние шахтеры-пенсионеры и заключают договоры с коопзверопромхозом, но не ради заработка: у каждого пенсия 120 рублей, куда же им деть время и силы в 50-то далеко не старческих лет? Получают провизию в порядке аванса, завозят ее на казенной лошади в облюбованную или предложенную таежку и живут там, ждут, когда шишка поспеет, с ружьишками от нечего делать шатаются или мастерят и ремонтируют приспособления для очистки орехов. Частники не должны соваться на этот массив, работающие по договору имеют полное право, если не помогают предупреждения, отнять у самочинно ворвавшихся добытый орех. Но до этого дело не

доходит, тайга илентуйская велика и богата, в урожайный год шишки хватает всем.

— Надо правей взять, — говорит Петька. — Вон уже ель начинает появляться, значит, бор кончается, а тропу не пересекли, выходит, маленько влево утянули.

— Не пришлось бы у костра ночевать, — беспокоюсь я, — холодюга-то прямо зимний.

— До темноты осталось минут сорок, — прикидывает Бронислав, — так что если до зимовья километра два с половиной, то... — со свойственной ему деликатностью он не заканчивает фразы.

— Да вы за кого меня принимаете? Я тут каждый пень знаю, а вы... Головой ручаюсь: не больше ста метров до избушки осталось!

Что глаз у Коробова-младшего цепкий, я в этом не сомневался, но пней в бору — ни одного, а кедры все одинаковые, попробуй сориентируйся. И возражать неловко: обижается проводник.

— Вон она! — заорал я.

Избушка стояла действительно невдалеке, ниже по склону, мы чуть было не прошли мимо нее.

С облегчением на душе подошли к таежному стану. Запылал костер, задымила печурка в зимовье. Пока Петька варил чай и суп из рябчиков, добытых днем, мы с Брониславом осматривали шикарный «завод». Во-первых, дробилка шишек — сооружение, довольно сильно похожее на колодезный ворот: на столбах-упорах увесистый барабан с железной ручкой, он вращается в дощатом бункере, своего рода приемнике с отверстием внизу и узким, в палец, зазором между барабаном и бортами бункера; размолоть куль шишек на этой дробилке можно буквально за 2–3 секунды. К дробилке примыкал помост с бревенчатым низеньким срубом по краям, со стойками и поперечинами на высоте головы, на этих поперечинах передвижные слеги с подвесными решетами-ящиками, одни решета с крупными ячеями, другие — с мелкими, на одних орехи отделяют от крупного мусора, на других — от мелочи и пыли. Причиндалы кедрового заводика, в том числе деревянные лопаты и метелки, так и хотелось потрогать: уж очень добротно все было смастачено, со знанием дела, любовно.

За веяльной площадкой грудился ворох отходов. Я, улыбаясь, взошел на него и скатился, как с горки, мне это напомнило холмы опилок и копны мякины, в которых я так любил барахтаться в детстве.

А вот еще одно сооружение. Тир, что ли? Или городошная

площадка? Выемка в бугре, выемка эта тщательно облицована досками, причем без углов, все завалено; чем дальше от задней вертикальной стенки, тем положе дощатые борта, они шли вширь и вразвал, постепенно сходили на нет, здесь же кончался и пол, но еще на много метров тянулась земляная ухоженная полоса. Оказывается, здесь очищали полноценный орех от пустого, без ядрышка в скорлупе, поддевая деревянным ковшом, швыряют орехи во внутренность «тира», более легкие пустышки падают на земляной пол и таким образом выбраковываются.

За сортировочной площадкой стоял лабаз, принятый мною вначале за второе зимовье: такой же бревенчатый сруб и крыша из елового корья, от зимовья он отличался разве тем, что был немного ниже, не имел трубы, окон, дверей. Я заглянул под крышу: лабаз был полон кедрового ореха! Что-то помешало хозяину вывезти орех по осеннему мелкоснежью, оставил на весну.

<…> Собирать паданку далеко легче, чем бить шишку, знай собирай, колотушку таскать и ворочать не надо. Если урожай был богат и кедровка тучей по осени не навалилась, то до весны паданки останется довольно, мыши и белки все не съедят. Один мой друг за месяц в Качугском районе заготовил тонну орехов и сдал на 800 рублей, так что на паданке можно недурно заработать.

Каким глухим, диким, мрачным был тот бор, куда мы пришли! Ничего общего с уютным, чистеньким, каким-то домашним кедрачом Кощурова зимовья; тот пай-мальчик, заласканный маменькин сынок, там на каждом шагу следы человеческой деятельности, и деревья все одинаковые, аккуратные, и склоны пологие, а тут… Кедры-гиганты, один другого громаднее, возносили ввысь свои массивные стволы, не покалеченные тяжелыми колотами: дураков нет дубняк трясти.

Добывать шишку-паданку, пожалуй, не менее азартно, чем грибы собирать, к тому же их ни резать, ни выбраковывать не требуется, шишка любая в дело пойдет, даже если кедровки и мыши обшелушили ее наполовину, все равно сгодится: перемелется — орех будет. Разглядеть весной шишку на таежной моховой постели намного легче, чем ранней осенью: цвет у нее совсем иной, тогда она была иссиня-сизая, а сейчас светлая, бежевая, на зверушку в чешуйчатом панцире похожа. С северной стороны кедров, словно за заборами, сохранились снежные полянки. Как весело и ярко бросаются в глаза вытаявшие из снега шишки, упавшие, должно быть, уже в конце зимы и потому не тронутые грызунами! Мы быстро набрали здоровенную кучу шишек.

— Кулей семь верняком будет, — определил Бронислав.

— Что же с ними делать? — растерялся мой племяш. — В рюкзаках не унесешь к зимовью даже за два раза. Да и далеко...

— На месте обработаем, — ответил я.

— А как? Ни решет, ни дробилки.

Я расхохотался злорадно: смекалистый парень не знает простых вещей.

— Для чего, думаешь, мы сыплем шишку вот около этой висячей валежины?

— Понятия не имею.

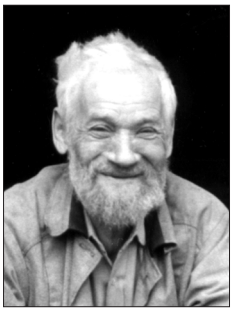
— Тогда смотри.

Я стесал топором горбину валежины, сделал на образовавшейся плоскости небольшие зарубки, расстелил под валежиной тент, срубил молодую березку, смастерил валек, сел верхом на валежину, так, чтобы куча шишек у меня оказалась с левой стороны, и принялся за работу: с пристуком бил по шишке вальком и растирал ее. Паданка разделывалась с легкостью необыкновенной: тягучая смола из нее повыветрилась, хрупкие, чистые, как бы высветленные за зиму шишки рассыпались при одном прикосновении валька, дело шло ходко, одна шишка в секунду.

Я работал с ритмичностью автомата, но уже через полчаса у меня заныли спина, руки, затылок, а у сменившего меня Бронислава дело не клеилось. Валек взял Петька. Мы спешили изо всех сил, чтобы успеть до темноты добраться к зимовью. От мусора избавлялись простым способом: приподняв тент за четыре угла, трясли, и орех, как более тяжелый, скапливался внизу, а чешуя и стерженьки шишек оказывались наверху, пригоршнями выкидывали их долой и трясли снова. Об очистке от мелкого крошева на месте и не помышляли. Куля два шишек пришлось бросить в расчете, что вернемся за ними на другой день, однако после второй ночевки в зимовье заспешили домой <...>.

Об авторе: ***Василий Владимирович Гинкулов (Шелехов)*** *родился в семье учителя 10 февраля 1929 года в селе Тунка Бурятской АССР. Окончил в 1952 году историко-филологический факультет Иркутского педагогического института. Четыре года работал в школе преподавателем русского языка и литературы. Ушел из школы, перепробовал немало рабочих профессий: был арматурщиком, кочегаром, электросварщиком, слесарем. Всерьез литературным творчеством занялся в возрасте 35 лет. Первая книжка рассказов и очерков — «Глухариные хитрости» — вышла в 1974 году. Автор романов «Утрата невосполнимая» и «Сумасшествие», сборников повестей, рассказов и очерков «Даль сибирская», «Психи в моей жизни», «Живи, тайга». Член Союза писателей, живет в Иркутске.*

СТИХИ



Александр Никифоров

БАЛЛАДА О СЫНЕ БОЯРСКОМ МАРТЫНЕ ВАСИЛЬЕВЕ «СО ТОВАРИЩИ»

360-летию Верхоленска посвящается

Глухоманью коварной,
Не переча судьбе,
Шел Мартын «со товарищи»
По сибирской тайге.

Вологодский молчальник,
Атаман-удалец,
С полусотней пищальников*,
К молодцу — молодец.

Где водой, где по берегу,
Без дорог и без троп.
Он искал не Америку —
Бережок под острог.

И надыбал, упрямец,
Место нужное — вот!
Щеки Лены румянились
В отражении вод.

Осенив крестным знаменем
У реки хвойный бор,
Буркнул он: «Дело знамое...»,
И достал свой топор.

Неторопко, со строгостью
Помолясь, казаки
Зверовали и строили
Возле Лены-реки

На века, по-особому
(Как велел им Мартын),
Башню, избы, часовенку
Да бревенчатый тын.

* Пищальник – стрелок, воин, вооруженный пищалью (В. Даль).

Был вожак дюже грамотен.
От богатств не ослеп,
Отписал царю грамоту:
«Есть острог — будет хлеб.
Зябко тут, но не голодно.
Можно жить хорошо».
И пушистого золота
Воз к престолу ушел.

Триста лет пролетело
Да еще шестьдесят.
Богатырское дело
Их потомки хранят.
И на том крутояре
Храм возник на века.

Слава Сыну Боярскому!
Слава им, казакам!

2001 г., с. Верхоленск

ЛЫЖИ

(отрывок из поэмы)

Кто в наше время может сделать лыжи?
Не в заводских условиях, поближе:
Допустим — в зимовье своем...
Как быть?
И я не знал, да научил друг Миша.
Чуть рассвело, на поиски мы вышли,
Чтобы одно лишь дерево срубить.

Чем больше выбор, поиски сложнее.
Одно другого дерева прямее,
А приглядишься...
Нет, увы, не то.
Вокруг стволов подолгу Миша ходит.
Приметы еле видные находит:
Винтом кора — и волокно винтом.

Из многих сотен лиственниц могучих
Нашли одну, но — лучшую из лучших:
До середины без сучков —
Свеча!
Бросает куртку Миша мне: «Лови, на!»

И, чтобы вся осыпалась лавина,
Топор заносит со всего плеча.

Бум — обухом.
А гул — на весь распадок.
Снег зашуршал с вершины — ш-ш-шип-п...
Порядок!
Но любопытен нам не снежный звук.
Ствол не звенит — то, значит, не гнилушка.
Чу! Вновь тихонько вздрогнула опушка:
Приплыло эхо тихое — у-ух!

Свободный труд душе — одна отрада.
Течет в нем наша сила, так как надо.
И Михаил рубил, как будто пел.
Вонзалась лихо молния стальная,
Фонтаном желтым щепки рассыпая.
Ствол вздрагивал и тяжело гудел.

Затем упал...
Мы вытесали плахи.
Коржом взялись, заиндевев, рубахи.
Перекусили. Благом был калач.
Удельный вес у лиственниц — ноль девять.
Не раз в пути вспотели,
Что поделать?
Я — ныл, а Миша хмыкнул:
— Здесь поплачь!

Согласен. Ель легка, да ненадежна.
В горельниках хоть как ты осторожно
Ходи,
Не поломаешь — обдерешь.
А нам в снегах к чему такая песня?
Мы к зимовью пришли, а сердцу тесно.
В тепло втащили плахи — и хорош!

Отдышимся, подвесим заготовки.
Пусть сохнут.
А затем топор наш ловкий
Их в тоненькие доски превратит.
Загнем в воде. Обрежем вровень с ростом.
На две ладони в ширину. И острым
Ножом четыре дырки просверлим.

Из прочной кожи сделаем крепления
И испытаем, чтоб без опасения

Пуховый путь за горизонт топтать.
И пусть зима беснуется и вьюжит.
У нас тепло. За стенкой ходит стужа.
...В сугробе лыжи новые
Торчат!

ГРУСТНАЯ ПОРА

Мелькнула страда, как зарница,
В таежной деревне моей.
Я с осенью вышел проститься.
На лентах приречных полей
Соломенных копен оравы.
Тверда под ногами земля.
Стеклит по утрам переправу
Зеленый морозец с ноля.
Дымят отдохнувшие печи.
Хлеб убран и поднята зябь.
Тревожа задумчивый вечер,
Последние стаи скользят.

ПОРОША

Неумолим природы бег —
Мне шепчет осень.
Крепчает нежный панцирь рек.
Ночь. Минус восемь.
Еще не смятыми лежат
В тайге тропинки.
С небес, как тысячи ежат,
Летят снежинки.
Прощайте, лето и тепло!
Я грусть заброшу.
В моей душе светлым-светло.
...Идет пороша.

Об авторе: ***Александр Георгиевич Никифоров*** *родился в 1944 году в Красноярском крае, в верховьях Енисея. После войны попал на Крайний Север с родителями. По профессии механик-водитель. Начал заниматься творчеством в 1974 году в Якутии, в городе Мирном. Публиковался в различных газетах и журналах, автор трех поэтических сборников: «Подснежные ягоды» (1982), «Узник любви» (1991), «Крылатый пахарь» (2002). В настоящее время работает в прозе. Член Союза писателей России. Живет в селе Верхоленске Качугского района Иркутской области.*

ШУТКИ, ПРИСКАЗКИ ВЕРХНЕДОНСКИХ КАЗАКОВ

Заколготился, заколготился и... уснул *(так «засуетился»)*.

Зажили: раньше нанимались побираться — а теперь от себя пошли *(так «разбогатели»)*.

Муха говорила, что тоже пахала, когда у быка на рогу сидела *(хвастовство и реальные дела).*

Глушь, продай груш *(обращение к тому, кто не расслышал и переспрашивает)*.

Что там у вас — хутор да хутор, а вот у нас — хуторочек! *(только и разницы, что «наше»).*

Ну, таперича можно с голодными равняться *(пообедавши).*

— Хлеб да солица, нельзя ли с вами садиться? — Хлеб-соль, едим да свой, а ты у порога постой *(шуточная просьба присоединиться к столу, и такой же шуточный ответ).*

Чик, чик, чикамáс, перевези бабку на баз *(присказка переходящему через лужу, грязь, яр, ерик)*.

Ходи, ходи ходором, зовут тебя Фёдором *(присказка танцующему).*

Шоп, шоп — тебе денег мешок *(присказка перешептывающимся).*

Давай сало делить: ты — кусь, а я — кусь-кусь *(т. е. я тебя быстрее и ловчее)*.

Где ж ты был, когда яр валился? *(плохому отсутствовавшему помощнику присказка).*

— Ваши пообедали? — Пообедали. Теперь сидят хлеб едят *(«хорошо», «сытно» поели).*

Пустой шалаш всегда раскрытый *(указывая на лысую голову).*

С умной головы волос сам сыплется, а вот с дурной — колом не собьешь *(ответ лысого).*

Кому? Деду Хому!.. *(ответ с намеком: «Отстань»).*

Хороша Маша, да не наша *(хорошее есть, но у других).*

Чё, девка, тянисся — замуж манисся? *(присказка потягивающейся).*

Ох и бабень, хучь на год, хучь на день *(о толстой женщине).*

Черепýшкина связь *(нелепица, бессмыслица).*

Богач, продай куски *или* продай лохóни *(ясно, какой «богач»).*

Тришкина свадьба *(сборище праздно проводящих время).*

Тор, да Ёр, да Микúшка-вор *(подобралась компания).*

Баба и курица в ста шагах от двора — ничейные *(каждый знай свое место*; или по-другому: *не вини орла, вини курицу).*

Не хочу баранину — режь овцу! *(капризный до несуразности).*

Люби, как душу, тряси, как грушу *(«пожелание» жениху).*

Добралась, как Маня до груш *(переступила разумные нормы).*

Все рады, и мы трошки *(глупое веселье при чужом интересе)*.

Ну, пошла вода в хату! *(началось что-то неостановимое, бесшабашное).*

Понёс без колёс! *(понес околесицу).*

Нету тому горя, у кого муж Егорий, а у меня Иван, так не дай Бог и вам *(шуточное объяснение своих несчастий).*

Сик-брык, седой бык *(присказка обидевшемуся, «осикнýвшемуся»).*

Вернись, Денис, штаны нашлись! *(шутливый призыв вернуться).*

Стоп, Семён, тяни к берегу! *(шутливый призыв остановиться, переменить направление или порядок действий).*

Как у нашего Петра задавили осетра! *(веселый выкрик перед прыжком в воду).*

Конопатый — ровно с хатой, а рябой — ровно с трубой *(дразнилка).*

Алёнка, Алёнка, полети на небко, там твои детки сидят у сапетки *(детская присказка перед подбрасыванием «божьей коровки»).*

Хохол мазнúца, давай дразнúться: этот — турок, тот — поляк, ты — хохол, а я — казак! *(дразнилка)*.

Цыгане-волохи, почём ваши блохи? *(дразнилка).*

Вошки на дыбошки *(состояние испуга).*

Та-ак, — сказал бедняк, — выпить что, да не за что *(присказка к «та-ак»).*

Квас, лови кошку, да не нас *(детская присказка в игре).*

Под зад мешалкой *(выпроводить силой)*.

Ýстя — рукава спýстя *(с ленцой к работе)*.

Из интересу Афонька женился *(т. е. сделал что-то просто так, из любопытства)*.

Интересно Афонькин сарай горел... Весь как занялсú! Светло сделалось *(присказка к неуместно употребленному слову «интересно»).*

Привет от старых штиблет *(присказка к слову «привет»)*.

Рыбак — солёные уши *(дразнилка рыбака-неудачника).*

Дуб, тяни до губ *(присказка курящему).*

С февральком в голове *(разумом небогат).*

Не хватает тя́му *(способности, ума, догадки).*

Собрали: *Юрий Ильич Карташов, атаман Верхнедонского «Всевеликого Войска Донского», и Алексей Михайлович Кочетов, заведующий информационно-издательским отделом Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова.*

ЗАКАЖИТЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ!

Научный журнал «КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СИБИРИ» — официальное издание, зарегистрированное в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовой информации (свидетельство ПИ № 77–9358 от 17 июня 2001 г.) и предназначенное для распространения в странах СНГ. Главным редактором журнала является Н.А. Томилов, в редакционную коллегию входят Д.А. Алисов, М.А. Жигунова, Т.Н. Золотова (отв. редакторы), Н.В. Кочешков, С.А. Красильников, В.М. Кулемзин, В.И. Полищук, К.Э. Разлогов, А.В. Ремнев, В.Г. Рыженко, В.Л. Соскин, В.В. Туев и другие видные ученые из разных городов России.

Хотя журнал имеет региональную привязку (исследования культурологических явлений в Сибири и работы сибирских ученых по разным аспектам культурологии), но в нем принимают участие ученые всех регионов России и других стран. Издают журнал Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, Сибирский филиал Российского института культурологии.

Тематика журнала включает следующие разделы и рубрики:

Юбилейные события.

Методология, теория и историография культурологических и смежных с ними дисциплин.

Историко-культурные исследования.

Культурологические исследования города и городского пространства.

Исследования традиционно-бытовой культуры.

Культурная политика.

Проблемы образования в культурологической и смежных с нею областях знания.

Музееведение и музейное дело.

Рецензии, обзоры и библиография.

Хроника научной жизни.

Литературно-публицистическая страница.

В год выходят 3 номера журнала.

Заказать журналы на 2005 год (или на несколько лет) можно наложенным платежом по адресу: 644077, г. Омск, ул. Андрианова, 28, Сибирский филиал Российского института культурологии.

Стоимость одного номера журнала — 80 рублей плюс плата за пересылку.

В продаже имеются также номера журнала за 2003 и 2004 годы, которые тоже могут быть высланы наложенным платежом по той же стоимости.